

В СВЕТЕ КОСТРА

(антология)

Редактор-составитель: Якуб Шпак.

Переводчик: Леонид Добкач.

Редакторы перевода: Анна Калинкина, Юрий Харитонов.

TSEENA

ПРОЛОГ

Китай-город...

Здесь вы найдёте всё, от настоящего кебаба, шлюх и мафии до смерти, смотря, что вы ищете. Половина посетителей проиграла здесь свои пожитки в карты, другая — не смогла, потому что её ограбили.

Организованная преступность, дань, местная священная война.

Это место можно любить или ненавидеть. Или покинуть вперёд ногами... Но если закрыть глаза на опасности, в общих чертах — это райское место.

Молодой Пашка обожал его всю свою жизнь. Он любил фантастические запахи базара и не менее прекрасный вид прилавков, полных книг, оружия и сувениров с поверхности... Он любил ту часть, где женщины продавали своё тело, ту, где играли в баскетбол, и, конечно, ту, где квас был почти задаром.

Но его излюбленное место было вне станции. Блокпост на сотом метре, что не так интересен хулиганам с Китая. Здесь сидели добровольцы, пришедшие сюда после разборок с Третьяковской.

В общем, не было никаких типичных бандитов, только обычные граждане, отказавшиеся снова воевать. Иногда тут было довольно пусто, а иногда — не протолкнуться.

«Сотка» стала его вторым домом. Там стоит стол, лежат гитара и набор карт. Устроено кострище.

В этом месте люди создали настоящее микросообщество. Тут было уютно, можно было приятно провести время, и каждый из добровольцев оставил здесь частичку себя, потому тут так хорошо. Хотя на самом деле... охрана туннеля — это последнее, о чём здесь заботились.

Пашка ходил сюда почти каждый день, любил слушать сказки у костра. Его байки знали все местные, а когда они заканчивались, на помощь приходили новички. Многие из историй были настолько фантастическими, что не могли быть правдой, хотя...

— Глядите, кто идёт! Это Пашка! — восклицали издалека.

Сегодня было необычайно много людей, в основном, новичков. Улыбка озарила лицо мальчика. Это было чудесно.

Борис брэнчал что-то на гитаре, но не он был в центре внимания, что, видимо, его не устраивало.

Люди собрались вокруг старика, у огня. Прибытие Пашки отвлекло их на мгновение. Друзья обняли его, пригласили к костру.

— Извините, что отвлэк, — сказал он и присоединился к остальным. — О чём?..

— Ни о чём, — бросил кто-то небрежно. — Только начали...

— Именно так. О чём?

— «Скажи, Господи...»

— Легко, — старик прервал вопросы. — Как я уже говорил, я буду...

МИХАЛЬ СЕРВИН КОРОЛЕВА ТУННЕЛЕЙ

Петька — молодой торговец, который унаследовал все обязательства и соглашения с поставщиками-сталкерами от своего отчима. Ему были знакомы только туннели от Проспекта Мира до Кузнецкого моста. Вы могли бы счесть его сумасшедшим — ему хотелось найти короткий тайный путь на Чистые пруды, на станцию под управлением «красных». Ха! Мало того, он ещё и с местными жителями хотел торговать! Все старались отговорить его от этой затеи, учитывая, что отношения между кумачами и Ганзой были напряжёнными.

Но Петька — это Петька, он всё знает лучше. Смело вошел в тёмный туннель, ведущий к Сухаревской. Когда дошёл до неё, сразу же отправился дальше, не желая терять время. Вскоре после этого он увидел пылающий огонь и солдат, охраняющих переход на станцию Чистые пруды. Путешествие прошло довольно успешно, обошлось без сюрпризов. На блокпосте он показал подделанные ранее документы. Знали бы вы, как сейчас легко их подделать... Конечно, если у вас есть нужные контакты. Его пропустили на станцию. Не успел он далеко отойти, как появился охранник и неожиданно закричал:

— Стоять!!! Остановите его!!!

Петьку сразу бросило в жар, будто в середину станции швырнули гранату. Он побежал, и все ринулись за ним! Он свернул в перегон, где было темно, страшно, но надо было бежать стремглав! И он понёсся по туннелю изо всех сил... В конце концов, выбежал на более широкое место... Попытался нащупать стену. Туннель. Погони не слышно. Его сердце билось, как сумасшедшее. Спустя несколько минут Петька успокоился, вздохнул и начал думать. До него дошло, что он один. В тёмном туннеле, без оружия, без фонарика, без всего.

Но это его не волновало. Он постарался взять себя в руки. Ему показалось, что впереди горит тусклый свет, вероятно, от поста «красных». Петька двинулся в противоположную сторону. Уж лучше умереть там, в темноте, чем быть расстрелянным охранниками.

Пока шёл, он не беспокоился о нехватке продовольствия или инструментов для самозащиты, лишь гадал, где именно он находится. Он знал все станции метро почти как свои пять пальцев. Говорили, что он может только по запаху определить, что это за станция. Парень подумал: «Если за мной Чистые пруды, впереди Лубянка, а там тоже коммунисты. А, может, свернуть на Сретенский бульвар? Оттуда можно выйти, скрыться... В конце концов, это же вроде заброшенная станция».

Размышляя так, он услышал справа эхо удаляющихся шагов. Петька двинулся в том же направлении. Он шёл, шёл... и удивлялся, насколько всё спокойно. Никаких монстров, мутантов, растений... даже крыс. Как будто он идёт по обычному туннелю до Катастрофы. Но это было невозможно, ведь в те времена здесь постоянно курсировали поезда. Вскоре парень почувствовал головокружение. Станции всё не было видно, а туннель тянулся и тянулся. Петька не знал, как долго он идёт, но у него создалось впечатление, будто многие часы и даже дни.

Измученный, голодный, но по-прежнему на что-то надеющийся, он сел на землю и прислонился к стене. Он был уверен, что ему удастся выжить. Не молился Богу — считал, что ему это не нужно. Он ведь... храбрый... храбрый... только хочет спать.

Он спал крепко, как в своей удобной кровати дома на Менделеевской. Ему снились мать, красивая женщина с каштановыми волосами, и отчим, пожилой бодрый человек. Их, к сожалению, больше нет. Петька обнял их обоих сразу, заговорил. Неожиданно мама дала ему «калаш». «Вот, возьми его, вскоре ты будешь в опасности». Удивлённый мальчик принял подарок и тут же оказался в левом туннеле, куда сбежал с Чистых прудов.

Петька проснулся. Он стоял, уставившись во всеобъемлющую темноту. Выпрямился, стряхнул остатки сна. И вдруг ударился обо что-то тяжёлое, что с металлическим лязгом

стукнулось об стену. Парень нащупал предмет, сжал пальцами... И не поверил — это было оружие! Не чудо ли?

Удивлённо поднял ствол. Это был самый настоящий «калаш» — прямо как во сне.

Он пошёл вперёд. Раз, два, раз, два. Ритмичные шаги, как по маслу. С оружием в руках все опасения развеялись, теперь никто не полезет к нему.

Вдруг он услышал гул впереди. «Всякая падаль...» — донеслось до него. У него был острый глаз, поэтому он сразу же взял на мушку фигуру, скрывающуюся в темноте. Дал очередь из автомата. Услышал, как кто-то застонал и упал. А затем завыл...

Вероятно, он разозлил целое стадо. Монстры один за другим появлялись из темноты. Но он яростно сражался и вышел из передраги живым. У его ног лежали мёртвые туши нескольких десятков мутантов. Парень, как ни в чём не бывало, двинулся дальше.

Через несколько часов он остановился. Что-то скрывалось впереди, он чуял это нутром. Его ноздри ощутили опьяняющий запах. Петька начал нюхать и ничего не мог с собой поделаться. Подходил всё ближе и ближе. «Что-то удивительное...» - подумал он.

Тут же щупальце обернулось вокруг его икр. Он собрался. Выстрелил не думая. Хватка ослабла, и он побежал вперёд, уворачиваясь от растения, отлично теперь видного. Оно было здесь одним-единственным, что странно. Нынешняя флора обычно занимает многие километры, осваивая всё на своём пути.

Парень шёл, стараясь попасть, наконец, на станцию. «Почему так много всего?» — спросил он себя. Внезапная вспышка ослепила его. По всему телу разлилась боль. Он лежал на земле, пытаясь восстановиться. «Электрическая аномалия», — смекнул Петька и замер неподвижно. Он лежал очень долго, опасаясь, что ударит снова, на этот раз смертельно. Но, в конце концов, он поднялся с земли. Не было никаких признаков опасности. Будучи решительным человеком, он побрёл к заброшенной станции.

После долгой и изнурительной прогулки парень вдруг увидел свет впереди. Хотя в темноте было трудно сказать наверняка, но, согласно его расчётам, он миновал несколько станций, и теперь должен был оказаться на Марьиной роще. Петька подошёл ближе. «Что, чёрт возьми... Опять аномалия или что?» — подумал он. С удивлением он увидел в этом свете силуэт человека... «Как это возможно? Здесь, на забытой богом станции?»

— Не бойся, Петька, — услышал он приятный женский голос.

— Кто ты? — спросил он удивлённо. Он не был напуган, только заинтересован.

— Это не имеет значения... — сказала она. — Важно, кто ты. Ты добрался сюда, несмотря на все опасности, с которыми столкнулся на своём пути. Это было испытание, что ты должен был пройти, и, вынуждена признать, ты достоин меня видеть. Ты мужественный человек, ты ничего не боишься. Твои усилия будут вознаграждены.

— Но... — мальчик окончательно запутался. — Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала?

— Скажу лишь, что осуждаю людей на жизнь иль смерть, — она загадочно улыбнулась. — А теперь усни...

На Петьку накатила сонливость. В голове роилась куча вопросов, но глаза сами собой закрывались, и он ничего не мог с этим поделаться.

Он проснулся — наверное, не поверите, — в Полисе. В довольно большом, кирпичном доме. Он лежал не на койке, а на приличной кровати с настоящим бельём! Он оглядел комнату. Она была богато украшена. На стене даже висела небольшая картина, нарисованная на холсте. В середине стоял столик из тёмного дерева, а в углу небольшая библиотека с книгами. Под ногами молодого человека лежал мягкий ковер. Напротив него открытая дверь. Послышался голос женщины.

— Дорогая, завтракать!

Он пошёл в соседнюю комнату, которая служила кухней и столовой. За столом сидели двое...

— Доблый день, папа... — сказала девочка, спрыгнув со стула и прижавшись к удивлённому Петьке.

— Смотришь так, будто видишь нас первый раз в жизни, — сказала женщина, беря с тарелки ломтик хлеба.

Хлеб! Петька никогда его не пробовал. Он всё понял.

— Тем не менее, ты выглядишь сногшибательно, как будто я вижу тебя в первый раз, — сказал с улыбкой Петька.

МАЦЕЙ «ДОСТОЯ» КОСКА НОЧНОЙ ТАНЕЦ

Ночь выдалась особенно холодной. Лениво падал бело-серый пух. В воздухе медленно кружились небольшие хлопья. Было тихо и спокойно. Широкие сугробы и снежные пустоши отражали льющийся сквозь слой облаков лунный свет и озаряли улицы Москвы.

Две фигуры между обломками автомобилей. Две потерянные души в руинах бетонных джунглей. Люди действовали как два отлаженных механизма. Быстро, уверенно, без лишних движений. В их взглядах и поведении прослеживалась ловкость военных. Уверенный захват оружия, готового стрелять, круговое наблюдение и идеальная слаженность.

Сталкеры перебежали к следующему остову — большому фургону, лежавшему на правом боку.

— Ну, Вик, что думаешь? — спросил один другого, поводя перед собой СР-3.

— Через пятнадцать минут будет Шаболовская, — сказал Виктор Гаврилов. — Нам нужно только дойти до радиомачты на Шаболовке без неприятностей.

— Тьфу! Чтоб не сглазить, — Олег посмотрел на старшего коллегу.

Тот держал свой надёжный АК-103, обёрнутый белой материей. Был он, как всегда, в изношенном защитном костюме, серой куртке с широким капюшоном, отделанным мехом. Он говорил, что она приносит ему удачу. Со дня Великого Холокоста, когда ему удалось укрыться в метро, эта куртка, что была на нём, — всё, что у него осталось. Теперь она стала талисманом.

Вик кивнул Сорокину, и оба, как по команде, выскочили из-за автомобиля. Отдых кончился. Два сталкера тащили в рюкзаках много хабара, который, несомненно, можно будет выгодно продать. Добраться бы до Шаболовской. А оттуда на Октябрьскую — и они в Ганзе. Там два вольных стрелка смогут отдохнуть, а потом... Потом видно будет, может, вновь на поверхность или ещё куда.

Тем не менее, лучше не загадывать. Можно сглазить. Не искушай судьбу. И для чего теперь люди? Ну, для чего?

Дорога ускользала из-под подошв тяжёлых ботинок. Снег сверкал и хрустел в такт шагам. Прицелы автоматов шарили по пустым разрушенным зданиям. Кишевший жизнью город стал могилой для людей, живших в нём. Те, кому удалось выжить в День Искупления, залезли под землю, разошлись по многокилометровым туннелям метро. Поверхность уже давно вымерла, опустела. Вернее, она отказалась от людей. Новые формы жизни, рождённые на пепелище древней цивилизации, не тратили время зря, и быстро заняли заброшенное пространство. Они освоили новые территории, не обращая внимания на бывших хозяев когда-то зелёной планеты.

Олег и Виктор медленно прошли мимо развалин следующего здания. Некоторые дома казались не тронутыми временем и стихией, только пустота в окнах и за дверьми свидетельствовала, что на протяжении двадцати лет ни один человек не жил в них. Вокруг других разбросаны чьи-то останки, и сталкеры старались избегать их и обходить по сугробам.

Бело-серый пух сверкал вокруг. Мужчины осторожно перешагивали бордюры и медленно преодолевали открытые участки дороги. Они знали, что на поверхности спешка может быть столь же смертельной, как пуля из ружья. В течение двух десятилетий на Земле скопилось столько новых опасностей, что любой, кто хотел сохранить рассудок, предпочитал их даже не представлять.

Через дорогу стоял полузаснеженный грузовик. Спуск на Шаболовскую был где-то в трёхстах метрах отсюда. Виктор подбежал к препятствию. Он опустился на колени и оглядел окрестности. Подал знак спутнику. Олег осторожно обошел остов и... замер.

Посреди дороги танцевала девочка. Она резво кружилась с раскинутыми руками. Её светлые, невесомые пшеничные волосы обрамляли голову. Синее летнее платье облегалo детскую фигурку.

Низко нагнувшись, Вик всё ещё следил за тылом. Он пятась вышел из-за грузовика и тоже опустился на колени рядом с напарником.

— Олег, в чём дело? — спросил он, удивлённый поведением друга.

Тот оглянулся. Скрытые за окулярами противогаза глаза узрели танцующее дитя.

— Да пошёл ты, — прошипел он.

Сорокину, очнувшегося от первоначального шока, не требовалось повторять. Держась за Гаврилова, он присел для стрельбы, прикрывая теперь товарища. Ребёнок продолжал кружиться на том же месте. Сталкеры отступали шаг за шагом. Вцепившись в свои стволы, они тщательно смотрели вокруг в поисках опасности. Мужчины понятия не имели, что за существа могли наваять такие галлюцинации. Кто-нибудь другой на их месте мог бы не удержаться от соблазна и подойти ближе — проверить, выйдя на открытую местность. Но мужчины были достаточно опытны. На их глазах случалось немало причудливого: очень много разных, нередко жутких смертей... Лучше отступить. Стволы автоматов вновь шарили по зданиям на пути.

Ведь все знают, сколько сейчас на поверхности или в туннелях творится разной чертовщины. Такое невозможно забыть, даже если захочешь. Сколько раз человеку такое являлось во снах. Сколько раз он шёл об руку со смертью... Но давайте вернёмся, может быть, к делу. Только люди... плесните, а то в горле пересохло.

Окно. Окно. Двери. Витрина. Окно. Что-то едва различимое мелькнуло на краю зрения. Визгливый голос «Вихря». Первый зверь упал замертво, сбитый очередью. Других пока не видно. Худое тело, покрытое багровой кожей, упало на тротуар. Длинные конечности с острыми когтями дёргаются в последних муках агонии.

— Чёрт возьми, — сказал Вик. — Падальщики!

Сталкеры удвоили бдительность и поспешили скрыться между зданиями. Слишком близко к спуску в метро, чтобы разворачиваться. Если обойти опасную область, можно выйти к Шаболовской с другой стороны.

Еще один урод вырвался из пустоты дверного проёма. На этот раз его жизнь оборвала короткая очередь 103-его. Чёрная лужа крови разлилась по снежному покрову. Олег почувствовал топот лап.

— На одиннадцать часов! — крикнул он.

Его голос был искажён фильтром противогаза. Рёв последовательных выстрелов разорвал глубокую тишину ночи. Зверь упал замертво. Тем не менее, сталкеры поняли, что не так легко избавиться от нежелательной компании. Всё больше и больше тварей появлялось вокруг на грани видимости. В густой тени зданий порхали неясные фигуры. Самое странное, что люди до сих пор не чувствовали никакого влияния на психику. И всё же существо или существа, которые могут создать такую реалистичную галлюцинацию, должны иметь возможность влиять на человеческое сознание. Не то чтобы сталкерам так этого хотелось, но всегда лучше быть готовым к худшему.

Олег и Виктор стреляли по продолжавшим атаковать монстрам. И каждый метр приближал их к спасительной темноте подземки. Еще шаг. Еще выстрел.

— Я пуст, — сказал Виктор, прячась за спиной Сорокина. Плавно снял магазин. С глухим стуком перезарядил. Выстрелы озаряли ночную тьму. Невидимые существа призывали отовсюду друг друга. Сталкеры, тяжело дыша, продвигались вперед.

— Граната! — крикнул Олег, бросив металлический «лимон» в промежуток между двумя зданиями, откуда шёл четкий гул надвигающейся атаки мутантов.

Мужчины бросились по заснеженной дорожке. Эхо множилось, забивая уши мучительным криком монстров, утонувшим во взрыве. Гаврилов и Сорокин выиграли несколько драгоценных секунд. Ещё немножко. До Шаболовской рукой подать. В

переходе появился серый силуэт. Рывкнула короткая очередь из СР-3. Сталкеры перепрыгнули через подёргивающиеся в агонии тела.

Казалось, через целую вечность, наполненную выстрелами и криками ночных мутантов, Олег и Виктор вышли на площадь перед входом на станцию. Гаврилов краем глаза заметил движение. Он повернул голову и навёл ствол пистолета. Одета в голубое одеяние девочка танцевала на улице, прямо перед подземным входом.

— Ах, опять эта сука, — прошипел сталкер. — Чёрт бы тебя побрал!

Короткая очередь полетела в направлении блондинки. Сорокин даже не посмотрел в ту сторону. Он достиг лестницы, ведущей вниз. Побежал. Начал бить со всей силы в герметичные переборки, крича. Удивительно, но ворота почти сразу открылись. Двое охранников проверили, не преследует их кто. Дверь закрылась с громким треском. Сталкер сорвал маску с лица. Он тяжело дышал.

— Ну, всё прошло, а, Вик? — бросил он товарищу.

Вооруженные люди, стоявшие у входа на станцию, смотрели на него искоса. Сорокин выпрямился, словно на муштре. Посмотрел вокруг. Но Виктора рядом не было. Он же спускался сразу за ним. Олег слышал звук его тяжелых сапог на лестнице, его свистящее дыхание, как они вместе ждали те несколько долгих минут с другой стороны переборки.

— Нет! — закричал сталкер.

Стоящие рядом люди посмотрели в его сторону и отшатнулись испуганно.

Человек бросился в сторону закрытых ворот, ведущих на поверхность. Двое крупных охранников схватили его и потащили за костюм обратно.

— Пустите, — пробормотал Олег. — Я должен! Должен вернуться!

Удары палками и кулаками обрушились на незащитную голову и живот. Сталкер еще боролся из последних сил, пытаясь спастись. Но он был слишком слаб после того, что случилось там. Всё больше ударов обрушивалось на него.

Сорокин потерял сознание.

Темнота.

* * *

Это всё, что мне рассказал едва живой Олег, когда достиг Октябрьской. Грязный, оборванный, без снаряжения. Он не мог вспомнить, как одолел туннель, отделявший его от владений Ганзы.

Когда я встретился с ним, я едва его узнал. Он умолял меня пойти на Шаболовскую и подняться на поверхность за Виком. И поверьте мне, я дал ему себя уговорить. С нами пошёл ещё один наёмник, и мы проделали тот же путь, что и Олег. Я не ожидал, что найду Виктора живым. Нет. Тем не менее, мне было любопытно, что произошло со старым сталкером. Что случилось с его хабаром. Ну, вы помните, чем всё закончилось.

В общем, мы поднялись на поверхность, прямо в ледяные объятия последующей зимней ночи. И, хотите — верьте, хотите — нет, вместе с падающими с неба белыми хлопьями кружилась серая куртка с капюшоном, отделанным мехом. И казалось, будто она была накинута на плечи ребёнка.

Ночную тишину нарушил грохот выстрелов, это не выдержали нервы мальчишки. Мне стыдно в этом признаться, но я убежал.

Я не помню, чтобы когда-либо так быстро бегал. Я не помню, чтобы был так рад видеть живых людей, даже на самой мрачной станции. Только тогда, когда за мной закрылась дверь, ведущая на поверхность, я заметил, что за мной и двумя охранниками на воротах больше никого нет.

Я и по сей день считаю, что те существа, атаковавшие Сорокина и Гаврилова, по сравнению с танцующим привидением, были не такие уж и страшные. О, далеко не страшные.

TSEENA ПРАВОСУДИЕ ДЛЯ ВСЕХ

Лев нервничал. Он знал, что должен сделать, и знал, что это нелёгкое решение для всех. Мужчина не спал два дня, но прекрасно осознавал, что ему придётся найти в себе силы, чтобы выступить с речью.

Лев растёр руками усталое лицо, поправил мятую форму, хотя не особо успешно. Казалось, будто он только что вылез из могилы.

Человек скрестил руки на затылке и прислонился к стене, как всегда, когда он напряжённо думал. Ещё раз проанализировал нюансы плана, который должен быть тщательно продуман, чтобы не потерпеть фиаско. Если что-то пойдёт не так, второго шанса не будет ни у кого. Не перед «красными».

— Товари... — человек, открывший дверь в кабинет, неловко замялся. — Господин Свобода. Пора.

— Спасибо, Дим. — Лев провёл рукой по длинным, чёрным волосам до плеч и прижал их беретом, прежде чем они вновь растреплются. — Уже выхожу.

Когда солдат покинул кабинет, Лев в последний раз пригладил форму и несколько раз глубоко вздохнул. Потом вышел, стараясь выглядеть как можно спокойнее.

Перед ним расстилалась платформа, где собрались десятки человек. Толпа в восторге зашумела, когда увидела красивого мужчину в военной форме капитана, небритого и не выспавшегося, но по-прежнему лидера. Их лидера.

Лев взошёл на ящик, выступающий в качестве трибуны. Отсюда видны все лица. Здесь и его люди, и те, что связанными стоят на коленях. Одним движением руки он заставил всех замолчать. Сколько уважения они к нему проявляли... Но он чувствовал, что не заслуживает его ничуть.

— Прежде чем я приступлю к докладу, вы должны кое-что знать! — сказал он. — Около получаса назад произошла трагедия. Фрунзенская... почти полностью разрушена. Там взорвался склада топлива. Большинство жителей погибло... — Льву пришли в голову жуткие картины. Разорванные и сожжённые заживо солдаты, рабочие, женщины и дети. Маленькие, обугленные тела... Его бросило в дрожь. Прежде, чем он закончил, толпа начала шуметь.

Люди выли от восторга. Все вместе и каждый по отдельности. Они прыгали в эйфории, обнимали и поздравляли друг друга, как если бы это была их личная заслуга. Капитан Свобода подождал, пока народ притихнет, и закончил:

— ...и наши силы легко взяли станцию!

Широкая улыбка расплзлась по лицу Льва. Теперь в любом случае ему не удастся заставить замолчать толпу, он может только разжечь их экстаз. Огнём.

Дима дал Льву красный флаг, и он поднял его высоко над головой. Пусть пламя поглотит символ коммунизма. Люди скандировали: «Воля! Свобода!». Он не был уверен, что его имя — это то, чего они так вождели. Но повод всё же имелся. И какой! Спортивная с сегодняшнего дня — независимая станция.

* * *

Андрей бодро шагал. Все молодые рядовые были в приподнятом настроении, даже у сержанта мурашки бегали по коже, и он что-то бормотал себе под нос.

Половину IV государственной разведроты им. Александра Матросова перебросили сюда вчера, сразу после вероломного нападения на Фрунзенскую. Тридцать молодых парней, три унтер-офицера и один лейтенант — это всё, что может себе позволить Красная Армия. Сила весьма существенная, но они не знают, как плохо быть в эксклаве, и нет никакого способа узнать о происходящем иначе как с помощью разведки. Достаточно Ганзе согласиться, и в обмен всего за несколько патронов с каждого солдата на границе останется полный магазин. Именно так они могут добраться до места назначения.

Андрей мечтал о войне, и это будет его первая, так как ему всего семнадцать лет. За два года тренировок он стал, как ему казалось, очень хорошим бойцом. И считал, что впустую сидит в казарме.

Красноармейцы пели и рассказывали неприличные анекдоты. Пока на Фрунзенской кто-то не приказал им повернуть назад и не пригрозил уничтожить. Пронзительно яркий свет ослепил, люди направили на Андрея и его соратников самое разное оружие, от пистолетов до «калашей».

Приказ гласил, что сперва надо выяснить настроения людей на станции. При необходимости — действовать. У плана, однако, был один недостаток: их строй проредят прежде, чем они смогут найти укрытие. Это беспокоило и Андрея, и его начальство.

Лейтенант пошёл на переговоры с командиром противника. Вернулся через четверть часа.

— Товарищи, у нас война, — сказал он печально, но его люди заулыбались. Когда он это заметил, сказал:

— Не радуйтесь раньше времени. Будем биться с братьями.

Солдаты скорчили рожи. Ведь они должны будут стрелять в предателей, во славу Красной Линии и товарища Москвина. Какими ещё братьями?

Только некоторые поняли, что это значит. Ясно же, что за такие слова лейтенанта ждут неприятности. Стукачи повсюду.

Разведчики пошли от станции к одному из боковых туннелей, укрепили его так, чтобы устроить временную базу и штаб. Через несколько томительных часов у лейтенанта собрались все, и, наконец, что-то начало происходить.

— Пора, — кратко и понятно.

Он стал раздавать приказы, и люди расходились, чтобы поскорее их выполнить.

* * *

Как всё это произошло? Свобода не питал иллюзий. Басманова сломил, и всё. Жизнь стала невыносимой, даже чужая смерть не решает всех проблем. Начальник станции был бессердечным ублюдком, а каждый из его подчиненных — его точная копия.

— Дерьмо без сердца, — прошептал он, нажимая на спусковой крючок.

Это был один из выживших охранников — верных псов начальника Басманова. Связанное тело упало на пол с отверстием в задней части черепа.

Лев подошёл к следующему человеку на коленях со связанными руками. Интендант.

Свобода приводил такие аргументы, что человек не умирал, но и жить не мог. Снова выстрел. Он почти забыл, что на него смотрит вся станция. Он упивался мстостью.

Теперь перед ним комиссаром. За каждое самоубийство — санкция на всю семью. За неспособность пресекать преступления против Красной Линии — целенаправленно сокращал население. Лично пустил половину станции в расход. Свобода дважды выстрелил ему в живот.

Басманова оставил на конец. Но он не принадлежал ему. Лев перерезал путы и толкнул его в сторону зрителей.

— Правосудие для всех! — воскликнул он, и люди накинулись на начальника. Лев почувствовал руку на плече. Дима.

— Уже? — спросил он его. Тот кивнул.

Лев потёр запястья, после оков они ещё болели. Он заложил руки за шею и направился к туннелю. Дима пошёл с ним.

— «Красные» стоят у Фрунзенской. Около пятидесяти.

— Так и знал. Сколько там наших? — поинтересовался капитан.

— Тузин, несколько добровольцев. Как ты и велел.

Свобода печально покачал головой. Шансы на возвращение любого из них на Спортивную после штурма «красных» столь же велики, как возвращение людей на

поверхность. Он не хотел обрекать их на смерть, но это было необходимо. Лишь надеялся, что у него будет достаточно времени, чтобы достичь успеха.

Они шли по туннелю довольно долго, пока не свернули в ССВ. Там было небольшое помещение, а в нём — двое мужчин в костюмах. Они производили впечатление. Выглядели так, словно их выдернули из довоенного мира.

— Павлов и Крыскин, — представил их Дима. — А это Свобода, — показал на Льва.

Мужчины были высокими и мрачными типами. Откормленными, что немного странно. И выражались замысловато.

Диме пришлось выйти. Встреча была тайной. Он прислонился к двери и расслышал только свист, когда пуля пробила скулу.

В то же время переговоры с пришлыми закончились. Лев застрелил Крыскина, но его товарищ бросил нож и попал в горло лидера повстанцев, покончив таким образом с восстанием.

— Не стоило нас искать, — сказал Павлов, стоя над окровавленным Свободой.

* * *

IV рота вошла на Спортивную. После прорыва хрупкой обороны предыдущей станции сюда дошли почти беспрепятственно. Они потеряли семерых. Фрунзенскую защищали десять человек, и все полегли.

Смутная тревога не покидала Андрея. Не было ни одной живой души, когда они должны бороться за каждый метр туннелей. Засада? Может быть.

Бойцы поднялись на платформу. Тут и там лежало несколько тел с огнестрельными ранениями, повсюду кровь и признаки борьбы. Только трупов маловато... Они должны быть здесь, по крайней мере, человек сто. Не меньше. Станция же словно вымерла. Андрей узнал несколько мёртвых коллег. Развеялись последние сомнения — кто-то напал на них с другой стороны. Люди. Восстание среди повстанцев? Да ну, бред какой-то.

Красноармейцы изучали Фрунзенскую в течение часа, но так и не пришли ни к чему конкретному, кроме того, что станция была пуста. Расположившись на платформе, они провели на ней весь следующий день. Прежде, чем их разбудил лейтенант, произошло кое-что ещё.

Из туннеля, ведущего к давно разрушенной станции Воробьёвы горы, донеслись стоны. Андрея отправили проверить источник звуков. К Спортивной отчаянно полз человек. За ним стелился кровавый след. Лицо его было растерзано. Что-то почти разорвало его правую сторону.

— Ты кто? — спросил солдат, держа наготове автомат Калашникова. Хотя человек не казался способным говорить, он прохрипел с трудом:

— Дмитрий. Я Дмитрий...

Андрей не знал, что делать. Прикончить раненого? Он никогда никого не убивал. Он положил винтовку и дал Дмитрию воды. Он лил ему в рот прямо из фляжки. Раненый поперхнулся, зато немного ожил.

— Спасибо...

ДАРИУШ «STALKER 1982» ЩЕПАНСКИЙ ОБЕЩАНИЕ

Пашка не мог принять то, что этот человек теперь рассказывает историю. Сперва он решил, что перед ним куча тряпья, случайно брошенная на землю. У него была серая кожа и налитые кровью глаза. Казалось, он разлагается, по крайней мере, несколько дней, и от него несло за милю. Его руки тряслись, а когда он попытался подойти к огню, ноги отказались ему подчиняться. Чернобородый помог ему сесть, когда он силился унять дрожь тела. У него была длинная, неопрятная борода и давно нестриженные волосы. Когда тот почесал голову, посыпались вши. От него воняло самогоном и чем-то ещё неприятным.

— Ой, смотрите, кто пришёл, — усмехнулась молодая женщина. — Опять начинается.

И да, он начал. Поначалу он нёс бред, но чем дальше, тем его речь становилась всё более плавной и понятной.

— Найдётся местечко для старой и уставшей крысы? Точнее сказать, для умирающей дворняжки, чьи дни сочтены. Я иду издалека. Оттуда, где не добыть огня. Вы знаете, что такое ад? Я живу в нём на протяжении девятнадцати лет, потому что верю в человечество. Я проделал путь с Кубинки, как проклятый преступник. Я бы хотел рассказать эту историю, потому что все, кто знал её, унесли её с собой в могилу. Я хочу уйти с чистой совестью. Позвольте мне рассказать вам о герое, который изменил судьбу метро. Человек, который спас его, заплатил самую высокую цену. Позвольте мне рассказать вам о боли безответной любви, лжи и несправедливости Пепельного мира, где мы живём. Я расскажу её, потому что мне недолго осталось, — он закашлялся и наклонился поближе к огню. Он протянул холодную руку и сделал небольшой глоток из фляжки, которую вытащил из кармана поношенной лётной куртки.

— Девятнадцать лет назад, когда метро только-только обжили, а сам я был сильным и здоровым офицером-разведчиком Ориго...

— Что, опять Ориго? — рассердился один из слушателей. — Не было никогда такой станции.

— Говорю вам, Ориго. Первая администрация метро. Станция, через пять лет превратившаяся в его столицу и изменившая название на Полис.

— Чувак, что ты нюхал? Полис здесь с незапамятных времен! — опять вмешался другой голос.

Но странник, не обращая внимания на комментарии собравшихся, продолжал.

— Люди не ведали об опасностях дивного нового мира. Мы не всегда понимали, что делать, что уж говорить о простых обывателях. Да, они полностью не представляли, что такое жизнь, как там на поверхности. Мы кормили всех, кого видели, или прятали еду от них, чтобы прокормить себя. Мы диктовали остальным общинам, как жить. Только у нас было необходимое оборудование, обученный персонал, и только мы были достаточно умны, чтобы занять главенствующее положение. И только у нас был достаточно большой авторитет и соответствующая пропагандистская машина, чтобы создать лучший мир.

Человек снова отхлебнул из фляги и вытащил самокрутку. Он посмотрел вокруг и схватил тонкую палочку, конец которой светился в огне. Приставил к своей импровизированной сигарете и несколько раз затянулся, а табак неизвестного происхождения весело зашипел. Загадочный человек глубоко вдохнул, выпустил изо рта плотный, серый дым и сразу же вновь закашлялся. Придя в себя, старик вытер широко рот и размазал кровь. Мы все пристально на него смотрели и молчали.

— Рак лёгких, кажись... Но я не о том. А о чём, бишь, я? О, и очень долго мы кормили людей ложью, что на поверхности бродят мутанты, каннибалы и растут хищные растения-мутанты. Если что, эта ложь не причиняла людям никакого вреда, потому что на поверхность лезть смысла никакого не было, там ничего не было, кроме руин, конечно.

Таким образом, мы могли остановить безумцев, которые изнывали под землёй и заявляли, что на поверхности можно вести нормальную жизнь.

Он посмотрел на пожилых слушателей его вечерней исповеди и добавил:

— Наверное, некоторые из вас ещё помнят, как думали люди в то время. Они верили, что можно связаться с остальными. Это было так смешно и невероятно, ведь этого не могло случиться. Я думаю, что то, что происходит, — коллективная галлюцинация, массовая истерия, и что День Великой Скорби — такой эксперимент. Люди действительно верили, что разрушили только Москву. Нам пришлось потрудиться, чтобы идиоты никогда не открыли шлюзы и случайно не убили всех жителей. Было нелегко сочинять сказки о мутантах, хотя их там не было. Что ходят они на четырёх или пяти лапах, в высоту по два метра, зубы как гвозди, и, возможно, это был крошечный головастик, который через несколько лет эволюции превратился в чудовище. Но в самом начале нашим главным врагом был человек. Изгнанный и отвергнутый руководителями Ориго солдат, который хотел создать империю и назначить себя императором. Генерал Гавриил Хаимов. Он и сто человек у него на побегушках покинули нас. Они засели в Военной академии имени Михаила Фрунзе, сохранившейся почти в идеальном состоянии. Её толстые стены и подвалы защищают от радиации, а склад был заполнен до краёв пищей. Где-то рядом с их убежищем у Хаимова был припрятан бронированный грузовик с тяжёлым оружием и взрывчаткой. Идеальный подарок для военных. Особенно для такого опасного, как Хаимов. Наша разведка доложила, что в ближайшее время они будут готовиться к штурму. Мы постарались, как могли, защитить метро, тем более что Хаимов хотел взорвать основные переборки. Излишне говорить, что бы это значило для всех оставшихся в живых. Мы должны были сразу разобраться с этим выродком. Потом было бы уже поздно.

Незнакомец вытащил ещё одну закрутку и закурил. Он выпустил дым, на этот раз без кашля, и продолжил.

— На поверхности регулярно происходили стычки между нами и людьми генерала Хаимова. Мы сидели в окопах, среди руин старого мира, подвергаясь воздействию смертельной радиации. Мы не могли допустить, чтобы его армия подошла к гермоворотам. Несмотря на то, что у нас было больше людей, мы постоянно несли потери. У них была слишком серьёзная огневая мощь. Становилось всё хуже. Нам требовалось чудо. Однажды всего несколько метров отделяло Змей, как окрестил свою армию генерал Гавриил, от взрыва плотины. И в тот день явился Он.

Любопытные слушатели наклонились ближе и наморщили лбы.

— Он? Это кто? — спросил один из слушателей.

— Он. Просто Он, — произнося «Он», старик прикрыл веки и грустно вздохнул. Чуть позже продолжил.

— Я лежал в окопе, покрытый трупами моих убитых товарищей. Я молил Бога даровать мне быструю смерть, — человек понизил голос, вновь прикрыл веки, словно на миг вернулся в тот день, и, как в трансе, снова заговорил.

— Я зажмурился, ожидая смерти, но она так и не пришла за мной. В воздухе раздался грохот, и на меня упали два воина Хаимова. Оба были застрелены в голову. Да, да, вы не ослышались. Двое одним махом. Лёжа, я не мог разглядеть целиком, что там произошло, но затем раздалось ещё несколько выстрелов, и через некоторое время я услышал только завывания ветра. Когда я вырыл траншею, я узрел, что всё поле усеяно трупами Змей. Двадцать человек с пробитыми черепами. Остальные части, видя, что происходит, дали дёру, но я не могу ручаться за то, что увидел. Я был в панике, я боялся сам схлопотать пулю в голову. Ветер подул с такой силой, что мои ноги задрожали, и я упал на колени. Ударил молния с тёмного, обработанного ядерным огнём неба, и полил дождь настолько густой, что видимость упала до нуля. И тут из темноты возник стройный, высокий человек, высотой метр восемьдесят. Он был одет в тёмный армейский плащ с капюшоном. Его лицо скрывалось под чёрной маской противогаза MSA 3200 модели. В

руках воина была снайперская винтовка СВ-98 с выгравированным на торце черепом. Он медленно подошёл ко мне. Он шёл, как будто не принадлежал этому миру. Я был в таком шоке, что мог бы даже сказать, что тот летит над землёй.

— У, чувак, — перебил один из слушателей, — а, может быть, ты был под кайфом, как всегда, а? Одним выстрелом двух зайцев? Какой-то летящий над землёй Василий Зайцев? Армия сумасшедших солдат из ада и их жестокий генерал, имя которого я никогда не слышал, а я живу здесь двадцать лет? Неспроста.

Пришлый посмотрел строго на своего оппонента и строго произнёс:

— Молчать, шельма, и если вам хватает мужества называть меня лжецом, то повторите ещё раз; как я люблю Бога, так вам нравится свинья, — мужчины посмотрели грозно друг на друга, и вдруг закричала женщина:

— Остынь, Борис! Не порть атмосферу. Я знаю эту историю, она классная. Давай выпей и не ной. Может, наш уважаемый гость желает немного самогона?

Борис махнул рукой, и пришлый кивнул, улыбнувшись очаровательной пожилой женщине в длинном платье, которая дала ему пластиковый стаканчик, наполненный огненной водой. Никто даже не заметил, что она сказала: «Я знаю эту историю».

— Ваше здоровье! — пришлый без зазрений совести опрокинул в себя всю стопку. Затем вытер рот и вытащил еще один самокрутку, которую зажёл точно так же, как и предыдущие.

— Погода была совершенно ужасная, поэтому я предположил, что мы идём к нему. На его базу, так сказать. Мы шли не очень долго, его жилище находилось в полуразрушенном небоскрёбе «Меркурий», когда-то самом высоком здании в Европе. От него осталась половина; ныне и того меньше. Его дом выглядел неприступным, его окружали стены толщиной в несколько метров. Воздушные фильтры ещё работали, так что можно было дышать спокойно. Здесь стояли только кровать, маленькая печь, имелось несколько свечей и одна книга, «Искусство войны». Когда мой спаситель снял маску, я увидел красивого семнадцатилетнего мальчика. Клянусь Богом, у него было такое чистое и невинное лицо. Как у ангела. Его тёмно-русые волосы до плеч идеально сочетались с тёмными глазами под толстыми, такими же тёмными бровями. Когда я спросил его, как он вообще выжил здесь, он сказал только, что ему повезло. А на вопрос, кто научил его так хорошо стрелять из винтовки, ответ был кратким: «Отец». Я спросил, как его зовут. «У меня нет имени, — сказал он. — Умерло год назад. Вместе с матерью, отцом и младшей сестрой. Пламя вымарало моё имя из Книги жизни. У меня нет имени, смерть меня не настигнет. Только я могу забрать у себя жизнь. Или сам Сатана». Спросил я его ещё, почему он помог мне. «Я знаю, что они зло, — объяснил он. — Кроме того, вы были одни, а их много. Честь не позволила оставить вас в беде».

Пришлый достал самокрутку и задумчиво выпустил облачко дыма.

— Я был впечатлён тем, что сказал мальчик. Настоящий рыцарь, как в старые времена, хотя и в таком юном возрасте. Спросил ещё, почему он не хочет жить с нами в метро, он холодно ответил: «Душно там. Мне нужно пространство, и я проникаю к вам только тогда, когда мне что-то нужно. Кроме того... Я люблю одну девушку. Я люблю её больше жизни, хотя и не знаю её вовсе. Я знаю только, что она обещана другому. Я не хочу подходить к ней, потому что боюсь, что мне придётся убить её избранника, её отца и, вероятно, её саму. Но я также не могу жить просто рядом и смотреть на всё это». Я был ошеломлён. Я спросил его, кто эта девушка. И он ответил: «Я знаю только, что её зовут Арина. Она дочь одного из начальников вашей главной станции». Боже милостивый, подумать только. Он говорит об Арине Климович, единственной дочери генерала Аркадия Климовича. Важный чиновник в Ориго обещал выдать свою красивую дочь за Дмитрия Антоновича, одного влиятельного деятеля с Курской. Шестнадцатилетняя девушка была обещана сорокалетнему мужчине в обмен на помощь в создании крупного бизнеса, что, кстати, привело к последующим войнам и конфликтам. Да, ребята, я говорю о Ганзе. Я думал тогда убить двух зайцев одним выстрелом. Этот удивительный охотник поможет

нам справиться с Хаимовым, и я уверю старого Климовича, что стоит отдать его главное сокровище в более подходящие руки. По крайней мере, на мой взгляд. Я сразу перешёл к делу. Поведал мальчику, как идут дела в последнее время. Пообещал ему, что упрошу старого Климовича после войны со Змеями отдать Арину за него. Я считал, что генерал Аркадий мыслит рационально и сделает правильный выбор. Дал обещание мальчику и побежал так быстро, как это возможно, в Ориго, чтобы доложить обо всём Верховному совету. На встрече с самыми надёжными людьми приняли решение. Генерал Климович сказал, что в обмен на помощь он отдаст свою дочь за мальчика. Так и порешили.

Забывтая закрутка догорела в руке старика. Он бросил её в костёр и продолжил:

— Так и порешили. На следующий день мы расправились с воинами Хаимова. Черепа лопались один за другим, и наши люди получили большое преимущество. Об этом можно было бы сложить поэму. Без этого мальчика мы бы никогда не одолели Змей. Клянусь, ствол его СВ-98 не замолкал ни на секунду. Когда он расправился с тридцатью, остальные Змеи попрятались по углам, наложив в штаны. В конце концов, появился Хаимов со своим «Драгуновым». Я никогда не забуду, насколько он был взбешен. Обвешанный взрывчаткой, пёр вперёд, как дикий зверь. Помню, как без остановки кричал, что порешит нас, а затем своих людей. Затем наступит черёд людей из метро. Не прошло и минуты, как десять наших упало замертво. Он был невероятно быстрым. На заднем плане слышалось, как кто-то падает на бетон. Наши люди стали отступать и прятаться за стенами, но не всем удалось скрыться с глаз разъярённого генерала. Через некоторое время, он закричал, чтобы его люди убирались с поля боя. Ему нужен был только наш мальчик. Змеи отступили к своей базе, а наши со страху попрятались в укрытиях. Прежде, чем я узнал об этом, наш снайпер сменил позицию. Воздух рассекли стрелы. Оба снайпера двигались словно тени. Быстро, бесшумно. Прирождённые убийцы. Я боялся поднять бинокль к глазам, иначе бы Хаимов в миг меня накрыл. Когда-то он был добрым, но не теперь. Я начал опасаться за нашего мальчика. Не помню, сколько длился их поединок и сколько погибло стрелков, но, в конце концов, всё кончилось. Я ощущал ледяные капли на костюме, а вскоре разрушенную улицу омыл от крови радиоактивный дождь. От крови генерала Хаимова. Только теперь я увидел царя снайперов. Он стоял во всей красе над поверженным противником. Из головы генерала ещё хлестала и смешивалась с дождём кровь. Мальчик наклонился над противником, взял пистолет и положил ему на живот. Наша война подошла к концу. Змеи и наши люди начали медленно выходить из укрытий. Враги бросали оружие и сдавались. Мы не брали их в плен. В те дни ничем нельзя было разбрасываться попусту. Особенно солдатами. Без Хаимова эти отступники больше не представляли опасности. Было видно, что они готовы вновь вступить в наши ряды. Мы стали собирать трофеи. Оружие, противогазы, одежду. В конце концов, мы взяли то, что они наскребли на складах Военной академии и пошли в метро. Я подошёл к нашему «витязю», по-прежнему стоявшему над телом Хаимова. Похлопал его по плечу. Поблагодарил за неоценимую помощь и сказал, что, как вернёмся, он получит заветный приз. Арину в жёны. Он посмотрел на меня и дал мне в благодарность патрон. Красиво оформленный. Ничего прекраснее в жизни не видел. На патроне была выгравирована надпись: *Cinis et manes et fabula fies*. Он сказал, что это памятная вещь.

Человек замолчал. Он обхватил себя руками и слегка вздрогнул, несмотря на то, что огонь благополучно трещал.

— И чё? — спросил кто-то. — Тут и сказочке конец?

— Нет. Когда мы вернулись вниз, в Ориго нас уже ждали. Они приветствовали нас, как героев. Ни одна другая станция не знала о нашей операции. Никто не знал, что если бы не таинственный мальчик, мы все, вероятно, погибли бы в течение следующих суток, потому что Гавриил Хаимов планировал взорвать гермоворота метро. Генерал Климович обернулся к мальчику и поблагодарил за помощь. Он сказал, что его вожденная Арина уже ждёт его. Мальчик слегка поклонился и сказал, что он знал, что Климович — человек чести и сдержит своё обещание. Я был рад, потому что молодые подходили друг к другу.

И соглашение здесь не причём. Аркадий спросил только, как его называть и как представить его своей прекрасной дочери. В тот день в душе снайпера царили радость и мир. Он сказал, что его можно представить ей как Илларион, что по-гречески значит «весёлый». Генерал кивнул и вскоре привёл Арину. Девушка при виде Иллариона весело улыбнулась, как если бы она знала его всегда. Из них выйдет хорошая пара. Климович сказал, что откладывать церемонию бракосочетания смысла нет и что она состоится на следующий день. Все заплодировали, стали поздравлять жениха и невесту. И я тоже. На следующий день всё было готово. Собрались все, кто знал об обещании. Всё было тщательно подготовлено. Даже священник нашёлся. После торжественной клятвы мы все сели за стол. Они казались такими счастливыми, хотя совсем не знали друг друга. Первый раз я видел улыбку на лице мальчика. А потом случилось непоправимое. После первого танца генерал Аркадий предложил Иллариону стакан спирта. Парень выпил залпом, и тут же упал на землю, как подкошенный. Все замерли. Этот мерзкий, лицемерный ублюдок дал мальчику яд. Тот, задыхаясь, умирал на глазах у всех. Последние его слова были: «Будь проклят, тварь. Ты и твоя станция». Через некоторое время он умер. Я не мог пошевелиться, пребывая в шоке. Арина начала кричать и плакать, но генерал Климович приказал охранникам увести её на станцию. Он также приказал избавиться от всех гостей, как от нежеланных свидетелей. Лишь бы Дмитрий Антонович ничего не узнал. Первое, что я сделал, бросился бежать, потому что меня собирались убить. Я выстрелил несколько раз в сторону Климовича, но только поранил ему руку. Побежал сломя голову, стреляя наугад. Бежал, пока не оказался далеко в туннеле метро. Переждал там немного и, взяв самое необходимое, ушёл из Москвы. Но не потому, что я боялся за свою жизнь. Я убежал, потому что не мог смотреть на других людей. Не мог смотреть на себя. Эта история заставила меня понять, что человечества не существует, и что даже здесь всё ещё считают деньги и прибыль. А данное слово... обещание... Пепельному миру это слово незнакомо. Чему уж тут удивляться, мы собственными руками уничтожили человечество. Мы сами убили сестёр и братьев наших. На большее не способны. Мы можем только продолжать. Я не знаю, что случилось с генералом Аркадием и Ариной или как Ориго превратилось в Полис, но я считаю, что проклятие, наложенное Илларионом, имеет к этому отношение.

— Старик, — подала голос, полный непочтительного тона, молодая девушка. — Мы живём на Третьяковской почти двадцать лет. Кубинка въелась в ваш разум, потому что до войны работали там в качестве сторожа музея танков. Вы остались без крова. Каждый день просите у некоторых кваса или самогона. Вы уже свихнулись настолько, что даже имени своего не помните. В метро не было никогда никакой станции Ориго, мы это уже обсуждали. Никто никогда не слышал о каком-то там генерале Климовиче и его прекрасной дочери Арине. А что до того снайпера-мастера, вы его в детстве видели в каком-то боевике. Признайтесь, вы перебрали кваса и укатали далеко, далеко, да?

Люди расхохотались, и странник уставился на них. Наконец он заговорил.

— Точно. Вы правы. Я идиот. Налейте ещё, пожалуйста, будьте добры.

Она любезно улыбнулась и налила нищему целую стопку. Тот быстро выпил и широко улыбнулся, обнажив совершенно гнилые зубы. Пашка был разочарован. Мужчина сам признался, что это был редкий вздор. Он закусил губу, не такого финала он ждал...

Вскоре все забыли о бомже. И никто не заметил, как тот достал из кармана патрон с красиво выгравированным латинским выражением.

Cinis et manes et fabula fiet.

«Ты станешь прахом, тенью, преданием».

Сжал его крепко и снова спрятал его в руке.

ПАВЕЛ «РАЛВАЛ» БАЛЦЕРЕК ПРИЗРАК ТУННЕЛЕЙ

На станции Сокол в течение нескольких недель был мир, здесь давно не видели мутантов, и жизнь шла своим чередом. С утра включали электрическое освещение с питанием от старого блока на солярке, люди медленно начинали работу на грибных плантациях и в свиных хлевах или занимались обслуживанием и ремонтом фильтров для воды различных видов, или чинили оборудование ушедшей эпохи. После окончания работы все возвращались в свои палатки, где проводили время с семьёй или встречались с друзьями, вместе радуясь жизни, рассказывая друг другу истории, как правило, выдуманные.

Андрей никогда не видел снов — или просто не запоминал их. Так было и сегодня утром, когда он выбрался из объятий Морфея, поднялся лениво со старого потёртого матраса. Вход в палатку был задёрнут, и из-под брезента пробивался бледный свет ламп. В этот день мальчик справлял свой семнадцатый день рождения, но он не чувствовал радости, для него это был обычный день, как и любой другой. В сердце пустота, он слишком долго ждал перемен для себя и приёмного младшего брата, о котором заботился после смерти родителей. Между тем, изо дня в день были только фермы и плантации. Олег вошёл в палатку с широкой улыбкой на лице, неся что-то в руке.

— Эй, братец, — сказал мальчик с энтузиазмом. — Я не забыл про твой день рождения. Всего наилучшего!

Олег протянул брату горсть конфет, за которые он, безусловно, отдал кучу патронов. Андрей смотрел на конфеты глазами, полными покорности и бессилия. Спящие внутри амбиции мучили его ожиданием перемен.

— Кушай, — сказал именинник. — Мне пора, а то на работу опоздаю.

— Но... Это же твой день рождения, они тебе.

Разочарованный мальчик посмотрел в пол и застенчиво положил конфеты рядом с койкой брата. Андрей проигнорировал это, поспешно оделся и пошёл к загонам для животных, что находился в боковом туннеле недалеко от станции.

В этот день на станции произошло знаменательное событие. Из левого туннеля прибыла группа торговцев, направлявшихся в сторону станций Войковская и Водный стадион. Торговцы остановились перекусить и объявили, что им нужны помощники нести часть товара. Они обещали вполне справедливое вознаграждение по прибытии. Андрей, услышав это заявление, увидел шанс изменить свою жизнь. Он решил присоединиться к ним; здешние перегоны неопасны, зато на пару дней удастся вырваться, пережить небольшое приключение, а Олег один как-нибудь справится. Не колеблясь, мальчик направился к начальнику станции, чтобы отпроситься на сегодня с работы, потому что у него день рождения, и он хотел бы провести время со своим младшим братом. После чего приблизился к торговцам. Кроме него, носильщиком никто не вызвался. Оставалось только предупредить брата. Андрей не знал, как это сделать. Он знал, что Олегу не понравится его идея. Но Олег был находчивым мальчиком, так что Андрей был уверен, что тот сможет справиться в его отсутствие. В конце концов, что может произойти на богом забытой станции. Мальчик не застал брата в палатке, но ему это было только на руку. Олег оставил на кровати записку, в которой написал: «Брат, я отправился с караваном до станции Водный стадион. Я уйду дня на два. Ты находчив, справишься, если что, спрашивай соседей. Андрей». Записку прижал одной из конфет и вернулся к торговцам. Он не расстраивался, что покидает насиженное место. Друзей не завёл, с кем надо было бы прощаться, зато волен идти куда вздумается.

— Я готов, — сказал Андрей, подходя к купцам. — Можем выдвигаться в любой момент.

— Прекрасно. Больше никто не присоединился, — отозвался командир караванщиков. — Зажигайте фонари, товары на спину, оружие наготове. Выдвигаемся.

Группа состояла из пяти человек, не считая Андрея. Мальчик не спросил их имена, они также не спрашивали, как его зовут, так как решили, что в начале пути в этом нет необходимости, или просто торговцы часто пользовались услугами местных носильщиков и знакомиться со всеми не имело смысла. Достаточно знать, кто у них за главного, а это был широкоплечий мужчина лет пятидесяти. К удивлению мальчика, один из торговцев оказался девушкой. Стройной девушкой с короткой стрижкой, на несколько лет старше его.

Хотя свет фонарей и разгонял туннельный мрак, атмосфера подземелий давила на всех. Никто ничего не говорил, все просто вслушивались в доносящиеся издали звуки. Они слышали глухой гул в трубах, ленивую каплю воды где-то со стены, но хуже всего было эхо собственных шагов. Через несколько минут эхо усилилось, а путешественники заволновались, желудок прилип к горлу. Командир жестом приказал каравану остановиться; однако шаги не стихли, а стали ещё более слышимыми. Торговцы взвели оружие и заняли оборонительную позицию. Андрей пропустил три удара сердца, и тут все увидели луч фонарика со стороны, откуда они пришли, и в туннеле возник низкий силуэт человека.

— Чёрт побери, не стреляйте, это мой брат, — сказал Андрей сердито. — Блин. Что он тут забыл?

— Прости, — выдохнул Олег, добежав до группы. — Андрей, я...

— Что ты, чёрт возьми, здесь делаешь? — прервал его мальчик. — Ты должен сидеть на станции и ждать, пока я вернусь. Тебе, что, трудно?

— Прости, — повторил младший брат. — Я хочу пойти с вами. Я тоже хочу пережить приключение. Я могу пригодиться, понести что-нибудь. Справлюсь. Обещаю.

Командир торговцев подошёл к братьям и смерил Олега взглядом.

— Не возвращаться же из-за какого-то щенка, — решил человек. — Понесёт товар, как все, без поблажек. Ты несёшь ответственность за него.

Последние слова предназначались Андрею.

Так группа разрослась до семи членов. Братьев отправили в конец колонны, о чём Андрей немного жалел. Приходилось всё время оглядываться назад и освещать тьму. Ему казалось, что кто-то или что-то ещё идёт за спиной, но каждый раз сталкивался лишь с пустотой. Андрей вскоре начал чувствовать себя странно. Ему казалось, что он слышит какие-то неясные звуки. Это были не отголоски шагов, а звуки в голове, как будто они предназначались только для него. И чем дальше, тем звуки становились всё более и более явственными. Андрей слышал попеременно смех и плач. Мальчик начал нервно водить фонариком по стенам тоннеля, безуспешно ища источник голоса.

— Олег, ты это слышишь? — спросил он брата.

— Гм-м? Что именно, Андрей?

— Как это что? Эти странные звуки, — пояснил мальчик шёпотом.

— Тебе кажется, — сказал с улыбкой молочной брат. — Ничего не слышно.

Андрей вдруг начал ясно слышать голоса, голова заболела в районе висков, и тут услышал металлический звук, как будто исходящий изнутри к внутреннему уху.

Те, кто не делает выводов из истории, обречены повторять её.

Мальчик вздрогнул, когда услышал эти слова, схватился за виски и зажмурил глаза, говоря себе, что это всё страх, ничего нет. Тем не менее, металлический, низкий голос снова раздался в его голове.

Чего хочет мальчик, пошедший в туннель с этими людьми? Ему надоела жизнь на станции, он ищет смерти?

— Я не ищу, — прошептал Андрей так, чтобы никто из товарищей не услышал его. — Кто ты?

А ты не догадываешься, мальчик? Я был здесь до тебя, и всё же это ты создал меня, ты и твоя гордость, жадность, страсть. Поэтому я спрашиваю, чего ты хочешь, мальчик?

— Это всего лишь моё воображение, тебя нет... нет.

Между жизнью и смертью стремление. Стремление к жизни, любви, всему доброму. Чего ты хочешь от туннелей?

— Перемен, — пробормотал мальчик под нос. — Хочу, чтобы моя жизнь наполнилась смыслом, изменилась.

Ты получишь всё, что хочешь, но придётся заплатить. Вокруг тебя плохие люди, полные жадности и жестоких желаний, такими их сделал мир, не жалея их и отбери их жизни. Теперь беги, в сердце найдёшь ты покой.

В голове Андрея раздался громкий смех и как будто бы барабанная дробь. Мальчик не понимал, в чём дело, пока сзади не раздался скулёж неведомых существ. На этот раз звук услышали все, и группа остановилась, направляя оружие в туннель.

Глупец! Глупец! — бесился металлический голос в голове мальчика.

Тогда Андрей понял. Он не думал о том, что делает. Схватил брата за руку и побежал. Он резво миновал торговцев. Командир крикнул ему что-то вослед, но мальчик ничего не услышал из-за чудовищного голоса в голове: «в сердце найдёшь ты покой». В самом деле, с левой стороны был короткий технический туннель, куда вёл открытый люк из твёрдой стали.

— Залезай! — крикнул Андрей брату.

Тот послушно скользнул в проход. В то же время они услышали выстрелы, сперва одиночные, но через несколько секунд началась непрерывная канонада. Рёв стрельбы приглушал крики ужаса. Андрей уже был одной ногой в техническом туннеле. Он схватил ручку люка, когда направил фонарик в направлении поля боя. И увидел много крови и двух выживших — единственную девушку в группе и ещё одного торговца — они бежали к ним с гримасами ужаса на лицах. Они умоляли подождать, но тщетно. Люк закрыли у них перед носом. Оба брата, скрывшиеся за люком в боковом тоннеле, только слышали, как торговцы стучат кулаками в металлическую дверь, моля о помощи. Меньше чем за три секунды крики прекратились, и наступила тишина, но не в голове Андрея.

Старший брат осел на землю и прислонился к люку. Он схватился за виски и начал слегка раскачиваться. Олег дрожащей рукой поднял фонарик с земли и оглядел тоннель, который, как вскоре выяснилось, заканчивался тупиком.

— Андрей! Что с тобой? — спросил мальчик. — Зачем ты закрыл перед ними люк, они же могли спастись!

— Не могли, — сказал он. — Не могли, он сказал мне.

— Андрей, кто? Кроме нас, здесь никого нет.

Олег подошёл к брату и потряс его. Он хотел обидеться, но шок был сильнее. Андрей ещё мог слышать в голове гам голосов, смех, крики и плач. Через некоторое время всё стихло, и заговорил металлический голос.

До новой, лучшей жизни всего шаг, но нужно сделать ещё одну вещь.

— Андрей, зачем ты это сделал?! — спросил Олег. — Очнись, прошу!

Он насмехается над тобой, мальчик, считает себя лучше, это он убил твоих родителей. Сделай это, и ты вернёшь то, что потерял. Просто ещё один шаг. Сделай это, и твоя жизнь изменится. Сделай это.

Последнее предложение эхом повторилось в голове Андрея. По щекам потекли слёзы, а рука нашарила за спиной нож. Его младший брат всё ещё тряс его, но Андрей не мог больше слышать, что тот говорит, он слышал только металлический голос. Глаза слезились, руки дрожали, но он вытащил клинок из ножен и твердо сжал его в руке.

Врата открываются, концы сходятся. Перемены скоро.

Андрей даже не понял, когда вонзил нож в живот Олега. Вдруг весь мир перевернулся. Мальчик отпустил рукоять ножа и увидел в глазах сводного брата гаснущее пламя жизни и сожаление. Олег упал на колени и затих. Его серая рубашка стремительно меняла цвет на красно-малиновый. Андрей больше не слышал голоса. Он не знал, как

долго это продолжалось — несколько секунд, минуту, несколько минут или, может быть, час. Тишина.

Мальчик снова почувствовал пустоту, до него только дошло, что произошло; это было похоже на безумие, шок. Он всё смотрел на Олега, который лежал у него на коленях так мирно, как будто спал. Андрей оттолкнул мысль, что тот мертв, запер её глубоко в сознании. Наконец тишина была вновь нарушена. Стены технического туннеля озарил свет, и появился неясный чёрный силуэт. Не разобрать, где одежда, а где лицо, казалось, его форма постоянно меняется.

— Кто ты? — выпалил Андрей.

Силуэт приблизился к мальчику и заговорил тем же металлическим голосом, но на этот раз он звучал не в голове Андрея, а доносился от этой чёрной фигуры.

Кто я, не имеет значения. Ты можешь называть меня призраком туннелей, или своей судьбой, или рыцарем апокалипсиса, можешь даже отрицать моё существование. Это не важно. Произошло то, что должно было произойти. Теперь я сдержу слово, я перенесу тебя в другой мир, наполню твою жизнь разнообразием, как ты того и хотел, мальчик.

Тёмный силуэт молча подошёл к мальчику, и тот даже не заметил, как ледяная рука призрака схватила его за шею. Андрей не мог дышать и пошевелиться. Он почувствовал страшную боль и отчаяние, теперь до него дошло. Он осознал, что наделал, но было слишком поздно. Последнее, что он услышал, был треск позвонков его шеи, а затем погрузился в холодную и глубокую тишину.

Он проснулся от собственного крика весь в поту. Его сердце колотилось как бешеное, а дыхание спёрло. Посмотрел вокруг. Он в своей палатке. На матрасе мальчик нашёл горсть конфет. В палатку лился свет бледных станционных ламп, видна была повседневная суeta работающих людей. Андрей выглянул на улицу и увидел своего молочного брата, который сразу вошёл в палатку, неся две миски грибного супа. Как только мальчик пошел внутрь, старший брат взял чаши и отставил их в сторону, а затем прижал брата к себе. Олег явно был удивлён поведением Андрея. А тот не отпускал его и понимал, что жизнь его изменилась. Он понял, что ему преподали урок, что самое главное в жизни — семья, и у него есть брат, и он его лучший друг. И главный приз для любого человека — заглянуть в неизученные уголки своей души.

АКУШМО ПЛАМЯ

У костра сидел парень лет двадцати. Чёрные брюки, свитер того же цвета и расстегнутая жилетка — сто процентов сталкер. Юноша уселся так, что видна была только левая сторона лица, как будто он хотел спрятать от посторонних глаз вторую половину. Таинственный образ дополняла немецкая овчарка у ног молодого сталкера. В метро многие люди продолжали держать собак или даже кошек, но овчарок видели редко, если вообще видели. Не дожидаясь разрешения, мальчик завёл историю.

* * *

Всё началось во время войны. Нет, не той ВОЙНЫ, а всего лишь с «красными». А точнее, под самый её конец. Один из солдат Ганзы — на самом деле Арбатской Конфедерации, которая поддерживала кольцевиков, — вёл боевые действия, как и многие другие. Он подумывал о дезертирстве, но всё случай не подворачивался.

Антон вспомнил День Скорби. Так он называл последние часы человечества. Другие называли его Катаклизм, Великое Истребление, Конец. Но не он. Для него это было отчаяние. Скорбь.

Мир сгинул и забрал с собой любимого младшего брата, Андрея. Его называли «Малым», и это его бесило. Его самый близкий человек, лучший друг... Он хотел навестить его вместе со своей невестой Ириной. Они хотели лично сообщить ему, что женятся. Но только он вышел из поезда метро, завывли сирены. И наступили сумерки человечества. Начали уходить часы, дни, недели в ожидании спасения, что так и не пришло.

Антон перезарядил «калаш». Он сделал глубокий вдох, очищая разум. Он не думал застрелиться. Не сегодня. Он ещё вернётся к Ирине... и своему ребенку.

— У нас будет мальчик, — обрадовала она его, поглаживая округлый живот.

— Но как ты узнала... — спросил было он. Аппараты УЗИ уже давно пропали.

— Ш-ш, — перебила его, приложив указательный палец к его губам. Она улыбнулась своей неповторимой улыбкой. Ради такой улыбки он готов был горы свернуть. — Я просто знаю.

Последние слова она произнесла шёпотом. Страстный поцелуй развеял все его сомнения. Выскользнув из объятий жены, он сказал:

— Назовём его Андреем, хорошо?

— Э-э... — Ирина вновь прильнула к его губам, не давая уйти.

Мальчик. Их сын... С ума сойти. Он стоял за колонной, подпиравшей свод станции. У кумачей заканчиваются боеприпасы, один приличный штурм, и они отобьют второй зал Парка культуры.

Антон не знал, однако, что его младший брат пережил апокалипсис. Когда хаос Дня Скорби достиг апогея, он как раз находился в городе. Станция Чистые пруды была меньше, чем в ста метрах. Несколько секунд бежал в панике, еле-еле пролез сквозь толпу, пробивая себе дорогу через желающих раздавить его людей, и оказался в безопасности. Пока не вспыхнула красная революция и не прокатилась по большей части Сокольнической линии.

Антон бросился к следующей колонне. «Лишь бы успеть. Лишь бы дожить», — подумал он, как вдруг перед ним возник «красный». Антон уже поднимал винтовку, когда время замедлилось. Он успел разглядеть лицо противника и остановился как вкопанный. Он опустил ствол. Те же карие глаза. Те же чёрные непослушные волосы. То же лицо. Его брат. Солдат потерял дар речи, когда штык, приоткрытый к стволу АК-47, пронзил его тело. Нет, Боже, нет! Так не могло закончиться!

Антон со вздохом упал на пол, выложенный плиткой. Андрей вытащил из ножен ещё один нож, чтобы добить врага.

— Малой... — пробормотал Антон, протянув в сторону брата ладонь. Рука с ножом, готовая нанести удар, замерла. Лицо солдата застыло в изумлении.

— А... Антон? — растерянно вымолвил младший брат спустя минуту. Удивление обернулось ужасом. — Я...

Прогрохотала очередь. Пули отскочили от колонны, где стояли братья, и почти оглушила Андрея. Он бросил взгляд в ту сторону, откуда стреляли, и понял, что надо бежать. Соратники Антона пошли в атаку.

— Я вернусь, — сказал он брату и ретировался, еле увернувшись от нового выстрела.

Между тем, Антон посмотрел на рану. Когда товарищи поняли, что случилось, и поволокли назад, темнота накрыла его.

Ирине, его жене, сказали, что он умер героем — за правое дело, защиту родины. Это не было правдой, учитывая, что Антон терпеть не мог войну, а армия появилась только после того, как профессиональные воины Ганзы начали массово погибать в столкновениях с «красными». Шок был настолько велик, что у неё едва не случился выкидыш. К счастью, всё обошлось, и новорожденного, по воле покойного мужа она назвала Андреем. Она не знала, что назвала его в честь убийцы супруга. Не могла знать.

Андрей под конец войны попал в плен. Когда остатки его отряда окружили, он первым бросил оружие. Специалисты по допросам знали своё дело, не зря их называли специалистами. Выложил им то, что они хотели услышать. Всё, что знал о планах, акциях, кодах и оборудовании. Эти сведения, однако, мало повлияли на исход войны. Удивительно, когда бои стихли, администрация позволила ему остаться. Они планировали сделать из него шпиона и отправить обратно на Красную Линию, но он хотел быть честным гражданином замечательного Кольца, которое, наконец, полностью замкнулось. Через год-полтора чистки туалетов на станции получил долгожданную визу и гражданство. Затем отправился на соседнюю станцию. Нашёл Ирину. Признался во всём.

Невестка возненавидела его. В ярости она кричала на него, била кулаками по груди, пока не начала плакать. Он обнял её. Её сын, маленький Андрей, тоже начал плакать. Ирина успокоилась, а Андрей-старший пообещал, что поможет им. Заберёт на Ганзу, где лучше.

Ирина согласилась только через несколько месяцев, когда стало ясно, что уборкой у начальника станции не получится заработать на содержание себя и ребёнка. Ну, разве что отдастся старому лысому старику.

Так что вместе с ребёнком переселилась к деверю. Через несколько лет они переехали на другой конец метро, на Проспект Мира. Как можно дальше от прошлого, от боли и страданий.

* * *

Молодой человек прервал на минуту рассказ и наклонил голову, будто размышляя, продолжать ли. Задумавшись, погладил густой собачий мех. Откашлялся и через некоторое время продолжил.

* * *

Никто из них не знал, однако, что Антон пережил встречу с братом. Соратники доставили его в лазарет, где местный врач, Субочевский, занялся им по приказу сверху.

Через несколько часов после операции Антон Сергеев угодил за решётку. От брата Андрея его отделяло несколько камер, но ни один из них не мог об этом знать.

Антон не знал, почему попал в тёмную и влажную тюрьму, а, скорее, не хотел верить, что они не понимают...

Когда к нему пришли от Ганзы два печальных господина в костюмах и сказали, что всё знают, из глаз его полились слёзы.

— Мы знаем о твоей измене, солдат, — сказал один из них. — А твоя жена верит, что ты погиб, как герой. Все твои друзья в это верят. Вся твоя станция...

— Сволочи, — хрипло сказал Антон, отстраняясь от наклонившегося над ним мужчины в безупречно сшитом чёрном костюме. — Не надо мне вашей жалости!

Чуть позже всё же успокоился.

— Откуда вы знаете?

— Это неважно, — сказал второй печальный господин. — Важно то, что если не согласишься на сотрудничество, мы сделаем из тебя предателя и дезертира, каким ты всегда хотел быть. А твою жену выкинем из этой вашей Конфедерации.

— Арбатцы выдадут нам её без проблем, — подтвердил первый. — А мы сошлём её в какую-нибудь дыру или отдадим кумачам, где она до самой смерти будет чистить туалеты, — сказал он, и его губы дрогнули на долю секунды.

— Но если согласишься на наше предложение, вернёшься в мир живых и к своей любимой жене, — закончил второй.

Антон хотел наброситься на них с кулаками, но быстро понял, что без толку. Он у них в руках.

— Что мне делать? — спросил обречённо.

— Подняться на поверхность вместе с другими осужденными под предводительством нашего человека. Затем взорвать гермозатворы на Кропоткинской.

Заключённый не сразу понял, что это будет прорыв на Красную Линию, откуда потом начнётся контрнаступление. Или со временем радиация убьёт кумачей... а вместе с ними множество невинных людей, населяющих несчастную станцию.

Несколько дней спустя они отправились: Антон, пять других заключённых и два настоящих сталкера. Группой командовал какой-то полковник с необычной фамилией — Томсон или Тропсон. Провёл их почти без препятствий до входа в наполовину разрушенный вестибюль, когда появились волки...

Антон тяжело дышал через фильтр противогаза. После нескольких лет под землёй оказаться вновь на поверхности было шоком и для него, и для остальных осужденных. Падающий снег сильно ограничивал видимость, а зимний холод сковывал тело, несмотря на свитера и самодельные костюмы.

Конечно, полковник и сталкеры были не в пример лучше экипированы...

«Скоро Новый год», — глупо подумал Антон через несколько часов после выхода с Парка Культуры. Теперь он задавался вопросом, какого чёрта он делает на морозе, ночью, увешанный взрывчаткой, словно какой-то террорист.

«Я делаю это ради Ирины, — ответил самому себе. — И для Андрюшки...»

Отряд неожиданно оживился. Антон только сейчас заметил вдалеке очертания вестибюля станции Кропоткинская. Рукой подать.

Не знали люди, что там устроили себе убежище волки.

У животных-мутантов, каждый из которых достигал более метра в высоту, были коротенькие хвосты, белая шерсть, широкая пасть, полная острых, как бритва, зубов... Дикие, опасные, смертельные. Враждебные к человеку, как и всё в этом мире.

Первым погиб Юрий, который шёл слева. Два огромных волка поймали его, и спасти было уже поздно. Люди открыли огонь из старых «калашей», забыв, что могут привлечь к себе внимание других, ещё более опасных тварей.

У волков было, однако, слабое место. Их стая имела иерархическую структуру. Лишённые альфа-самца, мутировавшие звери немедленно вцеплялись друг другу в глотки, пока не выявлялся преемник.

Это спасло Антону жизнь. Когда шальная пуля разорвала большому волку череп, остальные звери тотчас сошли с ума.

Сергеев стоял рядом с растерянным командиром. Только сейчас заметил, что их осталось только двое.

— Надо дойти, — произнёс, наконец, полковник. — Закончить миссию...

Антон не знал, что на него нашло. На произошедшее он смотрел теперь другими глазами.

— Нет, — выдавил после паузы.

— Как это нет?! Это приказ, ты понял, мразь?! — сталкер не успел развернуться к нему. Пуля, выпущенная из автомата, вошла в череп сзади, и куски мозга вперемешку с кровью обагрили стёкла противогаза.

— Только так я могу снова встретиться с семьёй... — оправдывался Антон, сорвав с себя маску и жадно втягивая воздух.

Затем он обыскал труп, пытаясь найти что-нибудь, чтобы вернуться.

Несколько лет спустя брата Антона ранили во время одной из стычек на Проспекте мира. Из южного туннеля пришли бандиты и напали на охранников. Их удалось оттеснить, но рикошет изуродовал левое колено Андрея, сделав из него калеку на всю жизнь. Становилось всё хуже и хуже. Маленький Андрюша рос, а Ирина в очередной раз забеременела. Однако на ребёнка, как и на свадьбу, не хватало денег. Особенно теперь, когда Андрей стал калекой и начал пить, не в силах найти себе достойного занятия.

Однажды он, правда, вместе с караваном поехал на дрезинах на юг. Вместе с приёмным отцом уехал «на гастроли» и Андрюша.

В тот же день к Ирине заглянул начальник станции, Игорь Лопатов.

— Моя дорогая Ириночка, мы знакомы уже несколько лет... — начал он с улыбкой, что женщине совсем не понравилось.

— Чего надо? — быстро прорычала та, забиваясь вглубь палатки.

— Тебя, — спокойно сказал начальник, облизывая губы. Прежде, чем Ирина послала его к чёртовой матери, добавил: — Или просто выкину тебя с моей станции, вместе с твоим калекой и маленьким гадёнышем. Как инвалид прокормит вас двоих? И своего не рождённого ублюдка? У тебя есть выбор. Или соглашайся, или прощай, дорогая.

Ирина хотела что-то сказать, но не смогла. Её всю трясло. Она села на кровать и начала плакать. Лопатов улыбнулся ещё гадливее и начал снимать куртку.

— Свет-то выключи, — бросил коротко.

* * *

В этой части рассказа голос юноши дрожал, и он то и дело замолкал. Украдкой протерев влажные глаза и глотнув самогона, вернулся к прерванной истории.

* * *

Позже вечером должен вернуться караван. Но раньше из северного туннеля вышел мужчина в чёрном костюме и пуленепробиваемом жилете. Похож на сталкера. Опухоль на левой щеке делала его вид угрожающим.

— Видимо, повеселился на поверхности, — бросил охранник своему коллеге, когда пришелец вошёл на станцию. При нём был паспорт Ганзы, а в нём штампы всех по очереди станций Северной Дуги, начиная с Парка Культуры.

Внезапно незнакомец обернулся и снова подошёл к часовым.

— Простите, здесь живёт Ирина Сергеева? — спросил он, рассеяв опасения охранников.

— Да, вон палатка, — указал пальцем один из них. — А зачем она вам?

— Это моя жена... — тихо ответил мужчина.

— Подождите, но ведь она... — начал было один из солдат, но незнакомец уже не слушал и двинулся к указанной палатке.

Полы распахнулись, когда Лопатов боролся с ремнём на брюках.

— Что-о-о-о-о?! — взревел Антон, когда увидел свою жену, голую и плачущую в постели, и стоящего посреди палатки полуголого начальника станции.

Лопатов обернулся и застыл в ужасе.

— СУКИН СЫН! — заорал Антон, вонзая тому огромный нож в живот, принадлежавший когда-то полковнику Томпсону. Начальник станции застонал и рухнул на землю. Антон посмотрел на свою жену, из глаз его полились слезы.

— Знала бы ты, через что мне пришлось пройти, чтобы вернуться... — прошептал он, склоняясь над ней. Шишковатая опухоль на щеке стала ещё заметнее.

— А... Антон! — не веря своим глазам, воскликнула Ирина и бросилась мужу на шею. Поцеловал её и только потом обратил внимание на её живот.

— Что?.. От кого?.. — спросил он, и в его голосе послышались металлические нотки. Лицо, освещаемое небольшой керосинкой, висящей у потолка, приобрело дьявольский вид.

— От Андрея... — вымолвила, наконец, Ирина, отступая от мужа.

— Что?! Для него тоже раздвигала ноги?! Сука! — кулак Антона отбросил Ирину на пол.

В палатку вошёл на костылях Андрей, услышавший крики ещё на выходе из туннеля.

— Оставь её, скотина! — крикнул бывший красноармеец.

— Малой? — спросил Антон с сарказмом в голосе, отворачиваясь от зарёванной жены. Вытащил пистолет. — Ты знаешь, каково это — умереть?

Пуля угодила Андрею в здоровое колено. Следующая пробила лёгкое, откуда тотчас полилась кровь. Упавший калека судорожно ловил ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Антон отбросил оружие и повернулся к жене.

— Сука! — крикнул он снова, ногами молотя женщину. — Даже не представляешь, на что я пошёл, чтобы найти тебя, а ты так мне отплатила! — нанёс ещё один удар.

— Отпусти мою маму, — услышал за собой мужчина. Он повернулся и увидел десятилетнего мальчика. В руках он держал пистолет Антона.

— Ма-маму? — Антон присел на корточки перед мальчиком, со слезами на глазах. — Сынок, это я. Папа...

— Нет! — крикнула из последних сил Ирина. — Андрей, беги!

— Андрей? — Антон повернулся к побитой женщине. — Ты назвала нашего сына Андреем?! Ты же сама...

Мужчина не договорил, потому что пуля попала ему в грудь. Мальчик упал, сбитый отдачей.

Антон, яростно взревев, сорвал висящую наверху керосиновую лампу и бросил её в сына. Одежда ребёнка мгновенно занялась, как и полы палатки.

* * *

— И что, всё? А что стало с Ириной? С мальчиком? — спросил один из слушателей после минутного молчания.

— Ирину и Андрея спасли, хотя оба они серьёзно подгорели. У женщины случился выкидыш. Эта и другие невзгоды привели к тому, что она сошла с ума; она ушла в туннель, ведущий на Тургеневскую и не вернулась. Её забрало метро... А мальчика взял себе стареющий сталкер. Антон и его брат погибли в огне. Так же, как и начальник Проспекта.

Юноша даже не пытался скрыть, что плачет. Все молчали, когда раздался возглас:

— Пламя! Хорош сидеть, мы уходим!

Парень, произнеся эти слова, выпрямился, и сидящие у костра ясно увидели шрамы от ожогов на правой стороне его лица и ниже, вдоль шеи. Вслед за молодым сталкером встрепенулся его пёс, и оба они ушли в темноту.

КАМИЛЬ ЯНКОВСКИЙ
НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МНЕ НЕ ЧУЖДО

— Привет, Гриша! — весело бросил я, входя в круг света, отбрасываемый ржавой керосиновой лампой. За столом, сгорбившись над заметками, словно прилежный ученик, сидел невысокий юноша.

— Как дела, Виктор?

— Сносно, — ответил я и подошёл к столу, поправляя спадающий с плеча АК-74.

Гриша отложил ручку, которой ещё секунду назад писал что-то в пожелтевшей от времени записной книжке, и вытянул шею, чтобы заглянуть мне за спину.

— А что случилось со знаменитым «Абаканом»? — не знаю, сколько раз я слышал сегодня этот вопрос. Каждый раз, когда кто-то спрашивал про мой любимый АН-94, у меня возникало желание размахнуться и вписать как следует. Любопытство — это первая ступень в ад, как говорили раньше.

— Меня ограбили на Белорусской, — я солгал, пожав при этом плечами, как будто рассказываю эту историю в сотый раз.

— Ну... — мальчик, видя, что я не горю желанием отвечать, не стал выпытывать детали. Вместо этого снова взял ручку и вернулся к написанию заметок.

Я глянул на серебряные часы с большой трещиной на циферблате. Было уже поздно.

— Знаешь... — начал я. — Я пришёл поговорить.

Гриша не удостоил меня даже взглядом, вместо этого злобно фыркнул и ответил так сухо, как только мог.

— Как будто ты когда-нибудь приходил просто так.

Я положил обе руки на стол и отобрал у него ручку.

— Это нападение на государственного служащего, — процедил он сквозь зубы.

Я улыбнулся как можно неприятнее.

— Не говори глупостей, Гриша. Из тебя такой же чиновник, как из меня фермер. Посадили тебя за этим чёртовым столом, потому что винтовку держать не можешь. Ты должен быть им благодарен. Если бы тебя поставили на защиту станции, ты бы и ночи не продержался.

Капля пота скатилась со лба парня и упала на стопку лежащих перед ним карточек. Он знал, что я прав.

— Мне нужны деньги, — сказал я спокойно. — Покажи мне, что у тебя есть.

Гриша дал мне блокнот и приблизил керосиновую лампу, чтобы я мог без проблем читать его студенческие каракули.

— Эх, — я вздохнул и сжал правый кулак. — Скажи просто, кто платит больше.

— Нина.

— За что?

— Это местный фармацевт. Нужен кто-то, кто ходит на Красносельскую и принесёт ей какие-то компоненты, без которых она не может приготовить лекарства.

Мне не нужно было смотреть на карту, чтобы понять, что игра не стоит свеч. Надо быть везунчиком, чтобы вернуться оттуда в целости и сохранности.

— Гриша... — я покачал головой. — Я сказал, что мне нужны деньги. Но не настолько.

Парень улыбнулся себе под нос.

— Мясник ищет человека, который доставит заказ на Сокол.

— Сколько? — я скрестил руки на груди.

Гриша пролистал несколько страниц.

— Десять сигарет и двадцать патронов калибра ноль — сорок пять, АСР.

Я уставился на грязное стекло лампы и несколько секунд подсчитывал, стоит ли таких денег поездка на Сокол.

— А есть что-нибудь ещё?

Мальчик снова полистал блокнот, скользя пальцем по желтоватым строчкам.

— Некий Борис ищет троих высоких мужчин крепкого телосложения.

— Понятно, ты в пролёте, — подколот я друга.

— Ты тоже, — парировал он. — Качок из тебя никакой.

Я расхохотался и взъерошил ему волосы.

— Ну, не злись, — я опустил глаза, хотя сомневаюсь, что он это заметил в полутьме.

— Скажи лучше, зачем ему три мужика сдались?

Гриша заглянул в заметки и прочитал.

— На Ленинском проспекте у женщины по имени Наташа необходимо забрать металлический ящик для инструментов. После предъявления рекомендательного письма, этот ящик необходимо доставить на Александровский сад, там вас встретит человек по имени Иван Стаховский. Зарплата на человека: три обоймы «семёрок».

Я посмотрел на парня и почесал подбородок. Будучи знакомым с несколькими людьми с Ленинского проспекта, я прекрасно знал, что тамошние металлические ящики — как ни парадоксально — не используются для хранения инструментов. Пусть я никогда не учился, но я не дурак. Если кому-то нужны три взрослых человека, чтобы доставить груз в центр московского метро, то, очевидно, речь идёт о контрабанде наркотиков. Ну, по крайней мере, плата приличная.

— Там есть упоминание, когда выходить? — я кивнул на пожелтевшие записки.

— Завтра в шесть, сразу после утренней смены караула.

Я шлёпнул парня по плечу.

— Будут ему люди.

* * *

— Глухой как пень!

— Что опять, Николай? — бросил раздражённо, выдохнув облачко пара, тут же растворившееся в бездонной бездне пустого туннеля.

— Я спросил, почему подрабатываешь курьером?

Надо признать, мне в последнее время везло на кретинов. На первый взгляд Николай казался симпатичным человеком, но очарование ушло, как только мы покинули станцию. Он был высоким и хорошо сложенным мужчиной слегка за тридцать. Я был уверен, что он будет серьёзным, а вместо этого он болтал без умолку. Ставлю винтовку, что если где-то поблизости бродят какие-то мутанты, они давно бы от него сбежали, опасаясь, что он заговорит их до смерти. Здесь, в десятках метрах под землёй, люди должны сдерживать себя, если хотят жить в мире. Странно, что ему ещё никто передние зубы не выбил.

— Я работаю охранником, — сказал я, глядя вперёд, на второго спутника, Михаила, который шёл примерно в пяти метрах от нас. — На нашу станцию давно никто не нападал, поэтому комендант приказал сократить зарплаты. Какой-то год назад я мог себе позволить пить в барах и еженедельно наведываться в бордель. Теперь же я могу позволить себе только самые слабые алкогольные напитки и дешёвую шлюху с плоской, как доска, грудью.

— Ну да, — кивнул Николай. — Всё дело в сексе.

Идущий впереди Михаил резко остановился и погасил свой фонарик. Он поднял жилистую руку, давая знать, чтобы мы остановились и присели.

Сердце забило быстрее.

— Что там? — прошептал я, пытаюсь разглядеть что-то во тьме, но Михаил успокоил меня жестом.

10 секунд...

Я слышал учащённое дыхание Николая, который съёжился за севшим на корточки Михаилом. Тот, по-видимому, ничего не делал, просто спокойно целился куда-то вглубь тёмного туннеля.

30 секунд...

У меня стали потеть руки. Я почувствовал, как палец медленно съезжает с крючка.

45 секунд...

Холодная капля пота текла по моей шее.

— Там кто-то есть. — Михаил ещё сильнее приблизил глаз к видеоискателю. — Виктор, дай мне свой автомат.

— Нахрена? — удивился я.

— Они где-то в сорока метрах впереди, — сказал он с такой убеждённостью, словно сообщал мне, что мы находимся под землёй. — Из ружья не достану, так что будь так добр дать мне свой автомат, и я их сниму.

Я был потрясён. Когда я в последний раз одолжил кому-то автомат — мой любимый «Абакан» — больше его не видел. Сегодня я плюю себе в бороду. Если бы не эта чёртова дыра, где я отдал его в залог за выпивку, наверное, он был бы по-прежнему со мной. Чёртова привычка. Чёртов бармен. Сукин сын знал, что АН-94 — это настоящая жемчужина, и быстренько продал его местному сталкеру. Прежде чем протрезвел, я понял, что случилось с моим любимым оружием, но сталкер уже давно покинул станцию.

— Виктор! — Николай помахал рукой перед носом, держась за спиной Михаила. — Чего ждёшь? Дай ему автомат, чёрт побери!

Я бросил взгляд в чёрную пропасть впереди, а затем на свой автомат. Я закрыл глаза, вздохнул и бросил ствол Михаилу. Тот ловко поймал его одной рукой.

Всмотрелся в темноту, но так и не увидел ничьей фигуры.

Тишину прервал звук удара.

— А-а-ах... — Михаил упал лицом на землю.

Не понимая, что происходит, посмотрел растерянно на Николая, который сначала пнул мой автомат, лежавший рядом с Михаилом, а затем ткнул мужчину сапогом, чтобы убедиться, что тот без сознания.

— Ты сдурел?! — почти закричал я.

Это была большая ошибка. Николай вспомнил о моём присутствии и навёл на меня ружьё.

— Только без глупостей, ты у меня на мушке.

Я был в шоке. Попытался незаметно достать пистолет, спрятанный в кобуре на ремне. Николай, увидев это, прыгнул ко мне и врезал со всей силы по правой руке.

— А-а-а-а-а! — я взвыл и уронил оружие на рельсы.

— Заткнись, или устрою тебе третий глаз!

Дуло ружья, которое держал Николай, было теперь в каких-то трёх сантиметрах от моего лица.

— Будешь сотрудничать или хочешь глотать пыль?

— Да пошёл ты, Николай! — я плюнул в него. — Иди к чёрту!

Мужчина как будто ждал предлога. Развернул ружьё, размахнулся и ударил меня прикладом. Я почувствовал жгучую боль в районе виска. Секунду спустя рухнул без сознания на землю.

* * *

Первое, что я почувствовал, когда очнулся, была неприятная головная боль и струйка крови, стекающая по щеке. Несколько секунд я лежал на спине, бездумно глядя в неказистый потолок, откуда торчали две ржавые трубы. Когда, наконец, мне удалось справиться с силами, я решил осмотреться в комнате.

Стены освещала одна керосиновая лампа, но здесь было так тесно, что её вполне хватало. Помещение смахивало на комнату для хранения инструментов. Справа стояли две тумбочки, на которых лежали всевозможные пилы и резиновый молоток, а слева была металлическая дверь, запертая на задвижку.

Я решил встать и отпереть её, но только сейчас понял, что связан. До сих пор мне казалось, что я лежу на кровати, но теперь до меня дошло, что я прикован к залитому липкой, не засохшей кровью и жутко вонявшему столу.

Металлическая дверь открылась, и на пороге возник Николай.

— О! — мужчина двинулся в мою сторону. — Ты проснулся!

— Ты-ы-ы... — процедил я сквозь стиснутые зубы и попытался достать его кулаком, забыв, что привязан.

— Спокойно, тигр, — усмехнулся Николай. — Лучше побереги силы.

Мужчина закрыл за собой дверь и подошёл к двум шкафам, выдвигая по очереди из них ящики.

— Где Михаил? — спросил я, медленно вспоминая, что произошло по дороге на Ленинский проспект.

— Он жив и здоров, возвращается к себе домой. За него я бы сейчас не волновался.

Я снова дёрнул руками, пытаюсь освободиться, но безуспешно. Мои запястья и лодыжки были связаны толстым ремнём, что и тактическим ножом не разрежешь.

— Чего ты хочешь от меня, ты, больной убудок?! — закричал я.

Николай, до сих пор стоявший ко мне спиной, подошёл к столу, на котором я лежал, и положил на него руки.

— Видишь ли, — начал он очень спокойным тоном, будто рассказывал ребёнку его любимую историю, — вкусы руководителей нашей станции очень специфичны, и они хотят посвятить всех в них. Они утверждают, что грибы, что так усердно выращивают на станциях, и консервы с поверхности — совершенно безвредные продукты. Мало того! По их мнению, мясо наших свиней лишено токсичных веществ и это здоровая, калорийная пища! Не мне тебе, наверное, говорить, что это какой-то бред? Консервы просрочены в лучшем случае, грибы растут на дерьме, что оставляют в туннелях самые разные мутанты, животные, поедающие трупы монстров, нападающих на наши посты. Ха, удивлён?! Ну да, никто тебе об этом не скажет, но я думал, что, будучи охранником, ты замечал иногда что-то подозрительное, а между тем ты такой же слепой крот!

— Ты что, обкурился чего-то, Николай?! — бросил высокомерно и сплюнул на землю. — А что мне до всего этого? Какого чёрта ты меня привязал?

— Их пища загрязнена, — мужчина выругался под нос. — Здесь всё либо давным-давно просрочено, либо заполнено какой-то гадостью. Человек не может жить без диеты, богатой белком. Настоящим белком.

— Ты о чём вообще?

— Не прикидывай дурачком, Виктор. Ты наверняка заметил засохшую кровь.

Николай повернулся ко мне спиной и вновь стал рыться в шкафах. Я снова оглядел комнату, отчаянно ища какой-либо выход.

— Почему ты отпустил Михаила? — спросил я, чтобы выиграть немного времени.

— Отпустил? — ответил тот удивлённо, не переставая копаться в шкафах. — Я его и не хватал. Он помогает мне.

— Помогает? — я ушам своим не верил.

— Ага, — подтвердил мужчина. — Мы разыгрываем сценку и разоружаем жертву. Добычу делим пополам — я беру тело, он — снаряжение.

— Вы больные, — я плюнул так далеко, как только мог.

— Не злись. Ты у нас не первый.

— Долго вы так?

— Уже несколько месяцев, — Николай пожал плечами. — На какое-то время мы должны, правда, уйти, особенно когда число исчезновений начнёт беспокоить жителей станции.

Я дёрнул сильно руками, отчаянно пытаюсь освободиться. Безуспешно.

— Ха! — мужчина весело крикнул, приблизил к лампе липкий от крови скальпель и стал долго его вертеть, чтобы лучше его рассмотреть. — Прости, что нестерильный, но не думаю, что ты будешь жаловаться.

Я почувствовал, как меня накрывает волна паники. Стал отчаянно дёргаться на столе. Я всё ещё боролся за жизнь, и одновременно мне хотелось просто лежать без движения, позволить глазам слезиться, и спокойно ждать, пока всё закончится. Пока смерть не накроет меня ледяным одеялом и не погрузит в вечный сон.

— Мне жаль, что я не могу тебя сначала убить, — Николай стоял надо мной и завязывал фартук мясника, — но мясо пришлось бы сразу выбросить. Не волнуйся, больно будет не сразу. Ты потеряешь сознание после первых надрезов.

Я смотрел ему в глаза. Я видел в них волнение. Когда-то, ещё до войны, мне нравились фильмы о природе. Однажды по телевизору шла американская передача. Спортивный мужчина колесил по миру, рискуя собственной жизнью, чтобы представить зрителям захватывающие кадры. В одном из эпизодов он отправился в сафари. После нескольких часов съёмок разных животных ему удалось снять несколько секунд охоты тигрицы на антилопу. Он был так взволнован, что забыл обо всех мерах предосторожности. Он сделал действительно замечательные снимки, находясь в нескольких метрах от центра событий. Тигрица вдруг посмотрела в камеру, и та запечатлела её взгляд. Она была возбуждена запахом своей жертвы, зная, что её ждет великолепный пир. Глаза Николая блестели той же самой, животной эйфорией.

Отчаянно дёргая руками, надеялся ослабить держащие меня ремни, что даст мне возможность сбежать. Снова впустую. Я пытался успокоиться, напомнить себе, куда отправился американский путешественник в следующий раз, пока не вспомнил, что сцена с тигрицей была последней, последующие эпизоды так и не сняли.

— Ш-ш-ш-ш, — Николай прижал меня к ложу и поднял скальпель. — Не дёргайся. Через минуту всё будет кончено.

Мне хотелось завывать. Я хотел, чтобы мой крик унесло в пустой тоннель. Чтобы откуда-то издалека пришло утешение, уверение, что всё будет хорошо. Что через минуту снова окажусь на солнечных аллеях московского парка или пойду пить горячий капучино на Красной площади.

От неожиданного удара металлическую дверь буквально вынесло из ржавых петель.

— Что за... — удивлённый Николай повернул голову.

Воздух пронзила очередь из винтовки, на пол посыпались горячие гильзы. Массивное тело Николая придавило меня всем весом. Из рта мужчины вытекала струйка крови, а из глаз исчезла страсть охотника, уступив место мёртвой пустоте.

Я услышал тяжёлые шаги и такое же тяжёлое дыхание. Мгновение спустя кто-то сбросил с меня труп Николая. Я молчал, терпеливо ожидая дальнейшего хода событий, однако, когда свет керосиновой лампы упал на лицо моего спасителя, узнал знакомые черты Михаила.

— Ты цел? — спросил он.

Я промолчал, не будучи уверенным в ответе.

— Эй, — Михаил ткнул меня в плечо. — Так ты цел?

— Да... Думаю, да.

— Тебе повезло, ковбой. — Мужчина начал расстёгивать держащие меня путы.

— Николай говорил, ты ему помогаешь.

— Помогал, но, видимо, я не такой материалист, как думал. Даже не представляешь, сколько человек потеряли до тебя жизнь таким образом. Может, я неплохо на этом заработал, но с меня довольно. Слишком высока цена моей жадности.

Михаил расстёгивал последний ремень, когда я заплакал, давая волю чувствам.

— Прекрати. Всё кончилось. На, — мужчина сунул мне в руки мой АК-74. — Свои вещи найдёшь в большом мешке за дверью. Не теряй времени, иди к ближайшей станции.

Я встал напротив Михаила и заглянул прямо ему в глаза. Я хотел что-то сказать, но не смог найти нужных слов, просто кивнул в знак благодарности.

— Надеюсь, это того стоит, — он махнул рукой и выгнал меня из помещения.

КАТАЖИНА АГУСТИК НА ПОЛЯНКЕ

Я упал в беспамятстве. Я не знал, где нахожусь, сердце готово было выпрыгнуть из груди, а дыхание сбилось. Наклонился вперёд и положил руки на бёдра, чтобы отдышаться. Убийственный бег вымотал меня полностью. Стоп, стоп, о чём я только думал? Боже, от страха я всё забыл.

Отчётливо слышал шаги в тоннеле, кажется, меня преследовали, а может, то было эхо моих ботинок? Точно теперь не скажу. Эти туннели жуткие, в одиночку ходить страшно, рациональная часть сознания отключается, как сломанный фонарик. Вообще, в туннелях совсем забываешь, что у тебя есть разум, и наружу вылезает всё иррациональное.

Именно так произошло со мной. Мне казалось, там ничего не было, что это мозг сыграл со мной злую шутку. Но я уже так перепугался, что решил не идти дальше.

Я не сразу понял, что попал на Полянку. Прохладная, пустынная станция — не больше. Только когда уровень адреналина снизился и я пришёл в себя, до меня дошло, где я нахожусь.

Полянка... о, Боже, только не это. Похоже, что мне придётся провести ночь в самом худшем месте, какое только есть в этом чёртовом, бездушном метро.

И тогда станция внезапно изменилась. В самом её центре возник обеденный стол, или, может быть, даже алтарь, накрытый белоснежной скатертью. Белизна идеальная. Я прикрыл глаза, чтобы не ослепнуть. На стене появилась странно знакомая схема. Потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать в ней карту метро. Втянул со свистом воздух. Боже, откуда она здесь взялась? Туннели на плане напоминали тёмные нити, которые пересекались и разбегались во все стороны. Станции выглядели как небольшие пятна среди клубка этих нитей.

Я перевёл взгляд на не то стол, не то алтарь, и смотрел из-под полуприкрытых век. Я хотел подойти и потрогать скатерть, но ноги словно вросли в землю, и я мог только стоять и наблюдать. Вообще в жизни я видел много странного, но от увиденного я потерял дар речи и был уверен, что скоро сойду с ума. На алтаре стояли старые весы; странной мне показалась одна деталь — одна чаша была белая, другая — чёрная. На алтаре, кроме весов, лежала шахматная доска с расставленными на ней фигурами.

Боже правый, это что, штаб-квартира какой-то секты? Да уж, нормальной станция не казалась. Только почему секта выбрала Полянку в качестве штаб-квартиры? И зачем им план метро? «Может, готовят полномасштабное нашествие на всю подземку», — подумал я, продолжая пялиться, как дурак, с разинутым ртом на этот прекрасный, но в то же время страшный алтарь.

И пока я так стоял, появилась она. Она была прекрасна, вся в белом, у неё были белые волосы, ниспадающие мягким каскадом на плечи, идеальные черты лица, а кожа казалась фарфоровой. Облачена она была в ярко-белую, искрящуюся мантию из очень мягкого материала. Она стояла на цыпочках, со слегка опущенными плечами, и казалось, что вот-вот взлетит высоко к небу. Но здесь не было неба. Лицо выглядело неподвижным, лишённым какого-либо выражения, только светло-голубые глаза смотрели с острой печалью и глубокой озабоченностью. Никогда в жизни я не встречал столь прекрасной женщины.

«Эх, до чего же красивые куклы в этой секте», — подумал я. Она, однако, вела себя так, будто вообще меня не видела.

Через некоторое время к ней присоединился мужчина, но выглядел он совсем иначе. Да, должен признать, он был красив — хотя я не знаток мужской красоты, я как-то по девочкам, — но все наши девушки были бы у его ног. Высокий мужчина, черноволосый, глаза тоже чёрные, как уголь, но страшные, лишённые белков. Словно в сдвоенные дула ружья заглядываешь. Он был одет в хорошо скроенный, чёрный кожаный плащ, который подчёркивал идеальную мускулатуру его тела.

Я не мог оторвать глаз от этой странной пары; оба представлялись мне последователями какой-то секты, тем более мужчина смахивал на какого-то гуру, отца-основателя, или как их там. И он тоже, видимо, меня не замечал. Странно, ведь я стоял в десяти метрах от них. Хотел даже заговорить, но слова застряли в горле, и я ничего не смог вымолвить. Признаю, вчера мы с моим другом Мишкой перебрали, и, быть может, меня ещё одолевает полное похмелье, но на зелёных чертей пара походила меньше всего.

Между экзотической парой я почувствовал какое-то странное напряжение, что накрыло и меня. Люди источали странную ауру, страшную и прекрасную одновременно. Мне казалось, что эта энергия между ними начала принимать материальную форму, сверкать и закручиваться вдоль всей станции. Частицы этой энергии, казалось, сталкивались друг с другом, вызывая слабые разряды, сопровождавшиеся едва заметными вспышками. Что-то начало буквально вдавливать меня в землю, возникло ощущение, что кто-то давит на мой череп, как бы пытаясь смять кости внутрь его. Я почувствовал, что не могу больше стоять и повалился с удвоенной силой. Энергия завращалась как сумасшедшая, но теперь чётко различались две её формы. Этот сгусток явно принадлежал женщине. И он наполнял мой череп чем-то чёрным, блестящим, угнетающим...

Обе формы то перемешивались друг с другом, то отдалялись, сплетались на миг и вновь разлетались. Я был уверен, что сошёл с ума, и у меня адские глюки.

Увы, мне ничего не привиделось, я стал свидетелем самой удивительной беседы, что я когда-либо в жизни слышал. Подумалось, что у этих двоих, должно быть, с головами не всё в порядке, и произойди их разговор перед катастрофой, в более людном месте, их бы сразу уpekли в психушку.

— Здравствуй, Белая Королева, спасибо, что пришла на мой зов. Могу ли я называть тебя Наташей? Знаешь, Белая Королева — слишком патетично, а ты похожа на мою Наташку. А меня зови Борис, Борис — хорошее имя для такого, как я, — женщина подняла брови, но её фарфоровое лицо осталось неподвижным.

Голос мужчины, Бориса, как он велел себя называть, наполнил туннели зловещим эхом. От него на меня накатила паника, а тело облил холодный пот.

— Зачем ты меня позвал? — голос женщины звучал чисто, мягко и нёс облегчение потрёпанным нервам. Я почувствовал тепло в скованном от страха сердце.

— Надо поговорить, Наташ, и ты прекрасно знаешь, о чём.

— О дне Великого Апокалипсиса? — идеальное тело Наташи (я тоже буду её так называть) дёрнулись при этом.

— Большая Чистка мне больше по нраву, но называй его как хочешь, а для меня это будет день Большой Чистки, если не против. В конце концов, оба эти выражения — синонимы, милая Наташа. — Борис грубо засмеялся, и этот смех был столь же страшен, сколь и безумен.

— Я знаю, что ты приложил к этому руку, Борис, не надо отрицать, — сказала она, скрепящая руки на изящной груди.

— Конечно, нет, это не моя заслуга. Люди сами во всём виноваты. Моё вмешательство было абсолютно необходимым. Да, кстати, интересно, где ты была, когда началась Большая Чистка?

Наташа посмотрела на собеседника печальным взором, но он только безумно расхохотался. Вроде ничего такого не сказал, а всё равно наступил на большую мозоль, и Борис знал это прекрасно, да и гримаса на её фарфоровом лице говорила сама за себя.

— Не ответишь, я знаю, тем не менее, мы должны решить вопрос с московским метро, и ты об этом хорошо осведомлена.

Блин, о чём это он? Вопрос с московским метро? Он хочет подмять его полностью под себя? Кровь в моих жилах застыла. «Борис, походу, совсем того, метро он тут подмять решил», — подумал я.

— О чём тут говорить, Борис? Кажется, люди прекрасно справляются без нашего вмешательства, — сказала она с неприятной усмешкой на фарфоровых губах.

— У меня к тебе интересное, как мне кажется, предложение, — Борис и Наташа повернулись к схеме метро. Оба посмотрели на клубок тоннелей и точки станций.

— Сама видишь, что происходит в московском метро.

Она кивнула, но промолчала. Я бы тоже согласился. На самом деле дела и вправду плохи, и лучше не становятся, учитывая, что станции образуют отдельные фракции, альянсы и культы. Коммуняки, Рейх — они, пожалуй, представляют наибольшую опасность, не говоря уж о всяких эпидемиях, убийствах, грабежах, кражах, организованной преступности... Впрочем, долго перечислять.

— Видно, Большая Чистка ничему их не научила, и пора с этим разобраться, дорогая Наташа, — сказал он и повёл пальцем по карте. Женщина посмотрела на него с острой грустью в глазах.

— Они заслуживают ещё один шанс, разве нет?

— Наконец-то мы приближаемся к сути дела, замечательно. Позволь, правда, предоставить тебе причины, почему я пришёл со своим предложением, — мужчина пригладил зачёсанные назад волосы и посмотрел в сторону шахмат. — А причины мои просты: метро в таком виде не имеет смысла существовать, я даю ему сто, от силы двести лет, но не более, после чего его жители вымрут, как мухи. На поверхность ещё нескоро выйдут, но человек не создан для жизни под землёй. Очевидно, что я мог бы их уничтожить одним пальцем, и есть за что, разом прервав десятки тысяч жизней.

«Боже, о чём этот мужик говорит? Зачем я вообще это слушаю, может, я пойду отсюда... Да, мне пора, — думал я, — потому что сидеть здесь и слушать эти бредни о гибели всего метро, которое, в конце концов, стало нашим домом, — безумие, что может кончиться моей смертью. Ещё чуть-чуть, и инфаркт или инсульт обеспечен».

— Сама видишь, что происходит. Коммунисты, Рейх, организованная преступность, эпидемии, кражи, изнасилования. Это не приводит ни к чему хорошему. Учти ещё, моя крошка, что метро не резиновое, оно имеет границы, а люди будут размножаться, как кролики, и рано или поздно в метро им станет тесно. Начнётся нехватка пищи, потому что они не смогут прокормить все рты, а на грибах и свинине они долго не протянут, а, следовательно, недоедание станет новым бичом цивилизации, если уже им не стало. Недоедание приводит к разным неприятным заболеваниям, и мы оба прекрасно знаем, что придёт ещё одна чума, что не пощадит на этот раз никого.

Перспектива упадка метро была мрачной и страшной, но откуда он это взял? Женщина как будто прочитала мои мысли, потому что спросила:

— Борис, у тебя были какие-то видения?

Тот усмехнулся.

— Наташенька, не нужно быть ясновидцем, чтобы предсказать столь очевидные события.

— Ты можешь дать им ещё один шанс и не допустить такого оборота дела, ты же знаешь, здесь полно невинных людей, — возразила женщина, и её фарфоровое лицо слегка дрогнуло.

— Дать им шанс, говоришь. Это зависит от них самих, — ответил Борис, изогнув губы в мрачной усмешке.

— Ты же сам говорил о даре ясновидения, ты можешь использовать его, чтобы предвидеть будущее, — сказала она, взглянув на весы. Чёрная чаша явно опустилась, как будто под тяжестью множества человеческих душ.

— Как и ты, Наташа, но ты же знаешь, что точно предсказать что-либо практически невозможно. То, что произойдёт в будущем, полностью зависит от решений, принятых здесь и сейчас, таким образом, ты можешь увидеть множество вероятных решений проблемы.

Наташа снова кивнула и посмотрела грустно.

— Что же ты предлагаешь, Борис?

Борис сплеснул ладошами, после чего указал на шахматную доску.

— Давай сыграем в шахматы, на судьбу московского метро. Идеальная ставка! — сказал он, обнажив белые зубы в безумной улыбке.

Женщина молчала, и я почувствовал покалывание по всему телу. Он хотел играть в шахматы, на судьбу метро, на наши судьбы, наши жизни. Я не мог этого слушать, то, что этот псих сказал, было ужасно. С огромным трудом я встал, но они по-прежнему меня не видели. Частицы материальной энергии всё ещё кружили вокруг, а я стоял, вглядываясь в чёрные, сверкающие безумием глаза.

— Итак, детка, сыграешь со мной на судьбу московского метро?

Ответа женщины я не услышал, потому что сбежал со станции, подстрекаемый желанием покинуть это ужасное место. Честно говоря, ответ Наташи не особо меня интересовал. Она могла согласиться или нет, другого ведь выбора у неё не было, верно?

Когда я очнулся, я лежал на рельсах в тоннеле, и гадал, был ли это сон, но, учитывая его реалистичность, не мог им быть. Насколько я знаю, сны так хорошо не запоминаются после пробуждения, а я всё помнил и до сих пор помню...

Я покинул эту проклятую станцию и вернулся домой. Но что-то заставило меня туда вернуться, несмотря на то, что я знал, что все, кто имел сомнительное удовольствие побывать на Полянке, ловят галюны.

Вернуться мне приказал мой внутренний голос. Я окинул станцию внимательным взглядом и заметил их. Красивая Наташа и мрачный Борис, без сомнения, играли в шахматы, а я прекрасно знал, что поставлено на кон в этой игре.

МАРЕК «MALYNOSOROZEC» ВИТКОВСКИЙ КЛЫКИ И КОГТИ

Нет, наверное, среди нас человека, который ни разу не задумывался о смерти. Я расскажу вам историю об одном таком случае. Будет этот рассказ об ужасе, безумии и ненависти. Это правда, мы живём в опасном мире. Наверное, никогда ещё на долю человека не выпадало столько угроз. Но ад себе строим мы сами...

А начнём мы со сказок... Но не для детей. Об оборотне. Было несколько версий этой истории. Те из вас, кто помнит предыдущий мир, конечно, может вспомнить несколько. Полных жестокости, смерти и ужаса. В общем, как раз то, что нас окружает. Оборотень был человеком, превращавшимся в волка. В жаждущего крови зверя, не умеющего себя контролировать. Волк рано или поздно брал верх над человеком. И всегда история заканчивалась кровавой бойней.

Моя история не будет сказкой. Она действительно произошла несколько месяцев назад. И главную роль в ней играет именно человек-волк.

Не делайте такие лица. До всех доходили слухи. Такие вещи быстро разносятся по метро. Истории и легенды о клыкастых и когтистых обитателях тёмных туннелей. Вой, от которого у самых храбрых подкашиваются ноги. Глаза в темноте, в которых таится смерть. Каждый из вас, наверное, знает кого-то, кто знает кого-то, кто встретил в метро оборотня. Не отрицаю. И даже если вы не верите этим историям, то уверяю вас, в них немало правды.

Всё началось с одного человека: Дмитрия Васильевича. События, о которых я расскажу, произошли на двух станциях на севере метро, в настоящее время заброшенных. На одной из них и жил Дмитрий. Я должен вам рассказать о нём поподробнее, чтобы вы полностью поняли историю. Ему посчастливилось спастись во время катастрофы вместе с любимой. Да, он потерял семью и друзей, как почти все остальные, но сохранил её. Они были счастливы, насколько это возможно в подземном мире. Для полного счастья им не хватало только детей.

Забыл добавить: Дмитрий был сталкером. Первокласным. К нему все на станции обращались за советами. И он с удовольствием их давал, помогал, интересовался судьбой соседей. Станция многим была ему обязана.

И вот однажды пришло несчастье в виде чумы. На станции Дмитрия погибло тогда двадцать семь человек. В том числе его жена. После этого всё изменилось. Васильевич во всём обвинял власти. Всего можно было бы избежать, если бы их интересовали лекарства, а не оружие, а руководство набивало себе животы вместо того, чтобы беспокоиться о благополучии подопечных. Подвергая себя и других риску, он не позволил сжечь труп жены. Видимо, он похоронил её на поверхности. И с тех пор оставался в стороне.

Пока, наконец, не встретил Надежду. Поселился с ней, и она родила ему дочь. Всё складывалось хорошо, до одного плохого дня несколько месяцев назад.

Станция Дмитрия вступила в спор с соседями. Ситуация была очень напряжённая, грозила перерасти в открытое противостояние. Васильевич использовал всё своё влияние, чтобы урегулировать спор. Он хотел избежать кровопролития. Но тщетно.

Кажется, напали на него, когда он возвращался от начальника станции. Видимо, именно тогда он в первый раз перевоплотился... Из восьми нападавших уцелел только один. Несколько дней спустя и этот умер, а от того, что он рассказал, стыла кровь в жилах. Только что был человеком, и вот у него клыки и когти, и желание собрать кровавую жатву. Скорее всего, превращённый в волка Дмитрий убил потом жену и дочь. Соседи, сбежавшиеся на крики, видели его на коленях перед их разорванными телами. Одежда была порвана, всюду кровь... После нескольких часов, никому ничего не говоря, облачился в сталкерский костюм, взял жену и дочь и вышел на поверхность.

Не прошло и суток, как люди с обеих враждующих станций начали умирать. Никто не ходил по одному, но даже вооружённые группы по пять-шесть человек не гарантировали безопасности. В туннелях слышали страшное рычание. Найденные трупы

выглядели жутко. Через неделю те, кто выжил, оставили обе станции, но ни в одном месте в метро не смогли найти убежище. Или ушли в дальние уголки, спрятались в самых укрепленных местах, но все они погибли в течение месяца. Смерть настигла всех, от мала до велика, так сильно было безумие оборотня. По всему метро люди видели человека-волка. Большинство сразу же бросалось наутёк, прячась за пулемётами на блокпостах. Рассказывали о волке, появившемся вдруг там, где мгновение назад стоял обычный человек. Храбрецы пытались противостоять ужасу. Ни один из них не выжил, чтобы рассказать поподробнее о звере.

Террор продолжался до тех пор, пока однажды группа десантников не наткнулась на оборотня в одном из заброшенных туннелей. Не знаю, где. Знаю только то, что увидели солдаты. Дмитрий устанавливал у выхода на поверхность взрывчатку. Позже такие же мины нашли ещё в нескольких местах в метро. Оборотень не был бездумной тварью! У него был план, чтобы убить нас всех. После детонации нас затопит водой. Выживших добьют существа с поверхности. У нас не будет шансов.

Из одиннадцати десантников выжило двое. Видимо, завалили зверя серебряными пулями, хотя я не знаю, откуда они их взяли. Еле живыми добрались до ближайшей станции и рассказали, что случилось. Однако когда половина жителей отправилась в указанное место, они обнаружили только девять трупов.

Оборотень ухитрился выжить. Многие люди слышали его вой в туннелях.

Никто не знает, каким образом человек мог превращаться в волка. Многие считают, что Дмитрий слишком много времени провёл на поверхности... Может быть, как в сказках или легендах, его укусил какой-то зверь, а может, виновата радиация... Странные вещи происходят ведь в нашем больном мире. А что до исчезновения тела, то, видно, Васильевич перед смертью вновь обернулся волком. Тело оборотня залечило раны, но с тех пор он не может принять человеческий облик. Логовом ему служит его станция. Время от времени он бродит по метро в поисках новых жертв.

* * *

— Bravo! Bravo! Bravo, чувак. Классно рассказываешь, — прервал кто-то из слушателей.

— Кто ты? И как ты смеешь обманывать меня? Сними капюшон, покажи лицо, сволочь.

— «Сволочь». Не высмеивала я. Я знаю, как ты готовился; что ты разговаривал почти с каждым беженцем с тех станций. Пока не поразил их «оборотень», конечно. Признаюсь честно, красиво это всё звучит в твоих устах... Но хотите ли вы узнать, как было на самом деле?

— Это ты! Вот теперь я тебя узнаю. Я с тобой тоже разговаривал. Ты со станции оборотня... Но каким образом? Я думал, все погибли.

— Я последняя, и вряд ли протяну больше суток. «Оборотень» скоро придёт за мной, но прежде я хотела бы дополнить твою историю. Ближе, ближе к огню и слушайте, что вам расскажет сестра Нади, невестка «Оборотня» Дмитрия Васильевича.

* * *

Больше всего в твоей истории, старик, мне понравился фрагмент о ненависти. С этой точки зрения всё верно... Но ты забыл о не меньшей силе — любви. Это с неё всё началось. С любви Дмитрия к своей любимой. Потом была душераздирающая боль и гнев после утраты. Далее пришли апатия и отказ от всех. В конце концов, Дмитрий встретил мою сестру и влюбился без памяти. Он оставил свой кокон. Да. Я знаю точно: чувство было реальным и невероятно сильным. Я завидовала сестре. Дмитрий был великим человеком.

И только такая любовь могла породить столь великую ненависть. Когда убили Надежду... Да, убили! Но Дмитрий этого не делал. Это сделали бандиты с соседней станции! Охотились за Васильевичем. Когда они расправились с Надей, скрылись, затаились, поджидая хозяина дома.

Правду ты сказал, что только один нападающий спасся. Правда, остальные были буквально разорваны на куски. Дмитрий взял с собой жену и дочь на поверхность и там похоронил их рядом со своей первой любовью. Думаю, до сих пор стервятники не разграбили могилы.

Я была там. Я видела холодные, полные ненависти глаза Дмитрия. Я слышала, как он сказал только одну фразу. Хотите знать, какую? «Ни один из людей не заслуживает жизни». Так он сказал, и скоро начались смерти.

Думала, что сначала умрут все с обеих враждующих станций. Их ваш «Оборотень» хотел убить лично. Прежде всего, они были виноваты. А потом и остальное метро, всех людей.

Не случайно спецназ наткнулся на Дмитрия в том заброшенном туннеле. Мы искали его. Мы знали, на что он способен. Мы заподозрили, что во время вылазок на поверхность он собрал огромное количество взрывчатки... Её хватило бы, чтобы разнести полметра. Но Дмитрию было мало. А выжила я одна...

Да, да, старик. Здесь ты ошибся. Не было двоих выживших. Не было серебряных пуль. Дмитрий Васильевич погиб, прихватив с собой десять десантников. Выжила только я и волк.

Волк! Понимаете?! Не было никакого оборотня! Был волк, которого Дмитрий нашёл ещё щенком. Рождённого на поверхности, его изменила радиация. Настоящее чудовище, идеальный убийца, приспособленный под наш исковерканный мир. И полностью подчинявшийся Дмитрию, словно между ними существовала какая-то мистическая связь. Так, будто воля волка была продолжением воли его хозяина... И это не животное хотело крови, а человек со своей ненавистью.

Волк выжил, и каким-то образом ему удалось вынести тело своего хозяина на поверхность. Я догадываюсь, где их можно найти.

Я последняя в списке «Оборотня». Я живу только потому, что волк не преследовал меня, только защищал тело Дмитрия. А теперь он придёт за мной и скоро меня достанет.

Но я уже не боюсь. Я смирилась с участью. Это вы должны бояться. Пока жил Дмитрий, волк был полностью послушен его воле. Молитесь, чтобы после моей гибели в нём ничего не осталось от хозяина. Тогда он будет опасен только для тех, кто залезет на его территорию. Будет убивать только тогда, когда почувствует голод... Но если в нём останется ненависть Дмитрия Васильевича, горе вам. Как я уже сказала, он отличный охотник, идеально приспособленный к нашему миру. Настоящий Зверь, в духе нашего времени. Будет охотиться и убивать людей до тех пор, пока кто-нибудь не убьёт его. Или пока не убьёт всех вас!

МАРЧИН «АМАЯ» ВОШТЫЛ СПЕРВА ЯРКИЙ СВЕТ, ПОТОМ ЧЁРНЫЙ ДОЖДЬ

— Сейчас я вам кое-что расскажу, — сказал рыжий парень в кожаной куртке. — О жизни на поверхности. Тогда.

— Когда? — спросил кто-то из присутствующих.

— Ну, тогда, когда всё шло прахом, — гордо ответил тот.

— А откуда ты это можешь знать? — засмеялся его товарищ. — Ведь срали тогда под себя, Мишка, почти как сейчас.

— Заткнись, идиот! Может, ты лучше знаешь? — обрушился на него Михаил.

— Да, — ответил он с улыбкой. — У меня есть друг, который слышал когда-то...

— А знаете, господа, — вмешался мужчина, сидящий в тени на военном рюкзаке. — Все эти ваши знания о тех днях основаны на приукрашенных слухах, которые старожилы выдают вам так же легко, как свою гнилую жратву. Младшие из вас пришли в мир уже здесь, под землёй, и вы знаете только то, что рассказывают другие. Старшие же забыли или не хотят помнить, что происходило наверху. Кто-нибудь из вас слышал о чёрном дожде? Вы видели тех, кто в момент первого взрыва находился на открытой местности? — не услышав ответа, он продолжал всё громче и громче: — Я не застал их. Знаете, почему? Потому что они исчезли! Просто исчезли! Не осталось даже тел... только тени на асфальте и зданиях, — он говорил всё тише. — Говорят, их следы видны и по сей день, а в лунном свете, когда человек не смотрит, они начинают корчиться, как будто по-прежнему надеются выжить, спастись от жгучей приближающейся волны.

— Кто-нибудь, кроме вас, видел эти тени? — спросил старик, сидящий у костра.

— Один-единственный раз упомянул мне о них знакомый сталкер, Сергей Павлович. Видел их, кажется, несколько раз по пути в магазины. Он говорил, что это духи города.

— Павлович — отличный воин... — припомнил мужчина. — Земля ему пухом. Надеюсь, его мутанты схарчили. В конце концов, проглотить этот его гигантский скафандр... — наткнувшись на взгляд незнакомца, старик сменил тему. — Расскажите, пожалуйста, о том дожде и всём остальном, молодой человек. Я как раз в тот день ехал на метро, и на Сухаревской застал взрыв, понимаете. С удовольствием узнаем, как было, да, господа?

Вокруг костра раздался гул одобрения, хотя большинство из присутствующих ещё не оправались после внезапного взрыва эмоций незнакомца и глядели на него с опасением. Он лишь кивнул и сказал:

— Хорошо, я расскажу вам эту историю, но при одном условии.

— Каком, уважаемый?.. Как вас, собственно, зовут? — спросил старик.

— Игорь. Игорь Морозов, — ответил тот. — Попрошу меня не перебивать. Если не хотите слушать, уйдите. Понятно?

Никто не встал. Кто-то лишь буркнул, что лучше уж тепло костра. Остальные тихо подтвердили готовность слушать.

— Прекрасно, — резюмировал Игорь.

* * *

Я прекрасно помню тот день. Было жаркое лето, и я с родителями и братом отправился в городской бассейн, чтобы остыть. Я тогда был в первом классе начальной школы, вернее, перешёл во второй, и через несколько дней должен был поехать в лагерь на берегу Чёрного моря. Вместе со мной родители решили отправить моего брата Петю, который был на три года старше и должен был меня оберегать. Тогда я подумал, что это верх унижения, но чего ещё ожидать от семилетки, мнящего себя взрослым... и скоро должен был стать им против своей воли. Но неважно.

За два часа в бассейне мы сильно проголодались. Родители сказали, что мы поедем в галерею, где возьмём на вынос пиццу и холодную колу. Оглядываясь назад, я верю, что

именно желание съесть нездоровую еду, вероятно, спасло мне жизнь. Мы остановились на подземной парковке, которая, впрочем, не была полностью крытой — видно было людей, идущих по улице. Родители пошли наверх после еды и подзарядки телефона. Несмотря на наши возражения, они заставили нас остаться в машине. Мы слушали радио и наблюдали за детьми, гоняющих на скейтах прямо на стоянке.

Ничто не предвещало конца света.

На третьей песне раздалась сирены тревоги. Мы переглянулись с братом, но наблюдая за скейтбордистами, пришли к выводу, что это было всего лишь очередное учение, как в последнее время в школе. Хуже стало, когда после слов песни Белинды Карлайл «We'll make heaven a place on Earth» в эфире наступила полная тишина. Это был тот знакомый шум, который слышишь, когда пропадает сигнал. Казалось, что кто-то просто вдруг выключил радио. Мы отстёгивали ремни дрожа. А потом всё завертелось.

Первое из того, что я позже узнал, — это то, что сбрасывали обычные бомбы, которые звучали, словно бесконечный гром во время сильного шторма. Позже стало гораздо хуже. Дети, которые недавно делали трюки на стоянке, смотрели куда-то вдаль, в направлении, отгороженном от нас стеной галереи. Не знаю, почему они не убегали. Может, не знали, что делать, или залюбовались. Ясно одно: это последнее, что они видели перед смертью. Вспышка, ворвавшаяся в тёмный подземный гараж, была столь сильной, что нас ослепило. Дальше только слышали. Через несколько секунд после потери зрения невероятная сила отбросила нашу машину к стене, и что-то большое рухнуло на жестяную ловушку, в которой мы оказались. Тогда я потерял сознание.

Петя привёл меня в чувство. Он помог мне выйти из того, что ещё утром было совершенно новым — меньше двух лет — автомобилем. Теперь от него осталась только груда металлолома. Зрение медленно возвращалось, и я видел всё как сквозь туман. Часть галереи, под которой мы были, превратилась в руины. Верхний уровень ударная волна отбросил аж на соседнюю улицу, так что надо мной зияло небо. Темнеющее небо. Из стены, в которую врезался автомобиль, теперь торчали трубы, пышущие водяным паром и вонявшие газом. Было ужасно жарко. Футболка пропотела насквозь. Пот заливал и глаза, но они хотя бы оба на месте. У Пети остался только один. Второй выбило. Ещё я сломал себе запястье, потому что оно было неестественно свёрнуто. Наверное, нас спасли ремни безопасности. Почему вся галерея не обрушилась на нас, я не могу объяснить. Родителей не было смысла искать, мы оба подсознательно понимали, что они погибли, но ни один из нас не хотел произносить это вслух.

Я полежал ещё немного на земле, глядя то на Петю, то на небо, которое с каждой минутой темнело всё больше и больше.

— Который час? — спросил брата.

— Двадцать минут второго... Наверное, я схожу с ума. Но часы ведь работают, — отозвался Петя. — Надо сваливать, и как можно скорее. Давай, вставай, нам нужно идти до метро, как нас учили в школе, помнишь?

Я кивнул и протянул здоровую руку брату. Тот схватил её и помог мне подняться.

— Здесь недалеко должен быть вход на станцию, у нас не так много времени, — добавил Петя и потянул меня на улицу.

Выйти из подземного гаража не составило проблем, разбросанный мусор образовал своего рода ступеньки, ведущие прямо на улицу, где ещё недавно играли дети. Я боялся увидеть их расщепленные или разорванные тела, но никаких тел не было. На их месте остались четыре тёмных пятна на асфальте. Это была не кровь или ещё какая жидкость. Это были просто чёрные человеческие силуэты. Как если бы они никуда не делись, а их тела отбрасывали на землю тени. Но там никого не было.

Меня напугали эти фигуры, но Петя помахал передо мной рукой и крикнул:

— Не отставай!

Мы побежали. Брат знал местность и хорошо знал, куда идти. Из здания периодически выходили люди и бежали в том же, что и мы, направлении. Часть из них

была так обожжена, что выглядела как зомби из телевизионных сериалов, которые запрещали мне смотреть родители. Такие, как правило, падали через несколько шагов. Некоторые останавливались возле них. Не чтобы помочь, а чтобы ограбить. Брали всё: кошельки, куртки, обувь...

На какое-то время где-то далеко вспыхнуло небо. Брат велел упасть на землю, заткнуть носы, открыть рты и ждать, пока земля перестанет трястись. Хорошо, что ослепительный свет лился из-за спины, благодаря чему мы не потеряли зрение. На месте нескольких близлежащих зданий образовалась гигантская воронка.

Дорога к входу на станцию заняла у нас примерно десять минут. По мере того, как мы приближались к цели, становилось всё громче и громче. Слышался неустанный гул, вопли мужчин и плач женщин. Рядом с нами плакал крошечный ребёнок, которого несла какая-то старуха. У входа в метро столпилось около ста человек.

— Что происходит, чёрт возьми? — воскликнул мужчина в порванном костюме.

— Заперлись, сволочи! Не пускают никого! — сердито крикнул кто-то впереди.

Мы остановились как вкопанные. Наступила почти полная темнота, небо заволочли плотные, серо-голубые облака.

— Давай, Игорь, встанем сбоку, там, у здания. Оно выглядит целым. И следи за своими вещами! — добавил брат.

Когда мы были уже близко к стене здания, начало светлеть, постепенно становилось все светлее, как если бы быстро наступило утро.

И тогда я увидел их снова. Тени. Сотни их на тротуаре возле здания, на стене. Силуэты людей — длинные, короткие, бегущие, присевшие... Чем светлее становилось, тем больше я их видел. Тогда я подумал, что это духи, и крепко сжал веки. Несмотря на закрытые глаза, свет больно меня ужалил. И вдруг погас, словно кто-то выключил ночник, светящий мне прямо в лицо. Я открыл глаза и увидел лишь бегущие передо мной белые точки. Что-то толкнуло меня сильно в спину, и я не смог удержаться на ногах.

— Петя! Петя! — закричал я, но он не отвечал.

Подполз туда, где только что стоял мой брат. Смог нащупать его ботинок. Брат лежал неподвижно на земле, так что я подвинулся ближе к его голове. Белые точки медленно начали пропадать, так что я смог посмотреть ему в лицо. Он уставился своим единственным глазом в небо. Я начал его трясти, орать на него, но как только его голова повернулась чуть набок, увидел его волосы, слепленные кровью.

Силы покинули меня. Я схватил его за руку и повалился на спину, закрыл глаза. Боль в запястье быстро нарастала, но, несмотря на это, мне ужасно хотелось спать.

И тут что-то упало мне на лоб. Прежде, чем я успел подумать, на моё тело обрушились новые капли. Очень тёплые и со странным, металлическим привкусом.

— Игорь? Это ты? Где родители? — спросил кто-то подле меня.

Я открыл глаза и увидел нашего соседа, хорошего друга отца. Я не смог ничего ответить.

— Пойдём, мы должны найти другую станцию, эта уже закрыта, — сказал сосед.

— Петя... — прошептал я.

— Он мёртв, отпусти его, и пойдём со мной, — настаивал человек.

Я посмотрел в последний раз на брата и заметил, что он разбил голову о выступающий бордюрный камень. И могу поклясться, что он улыбался мне. Его лицо становилось всё более мокрым и... чёрным. Всё окрашивалось в чёрное. Вокруг толпы людей у закрытого входа собирались лужи, а те, давясь, пили тёмную жидкость, падающую с неба. Она действительно была очень тёплая, как домашний душ.

— Не пей, малой, закрой рот, — посоветовал сосед. — И глаза лучше закрой.

Так я и сделал. Коллега моего отца нёс меня в противоположном от растущей толпы людей направлении, и в какой-то момент я уснул, убаюканный приятным теплом.

Очнулся в комнате с закрытой дверью, без окон. Сломанное запястье было зафиксировано и плотно забинтовано. На кровати, где я лежал, сидел мой спаситель.

— Всё в порядке, Игорь, веди себя хорошо и жди меня. Я буду вечером, — сказав это, он вышел, а вместо него появилась одетая в белое женщина.

— Где я? — спросил я.

— В метро, дитя моё. О, не волнуйся, ты в безопасности, — ответила она. — Тебе надо выспаться.

Она дала мне какие-то горькие таблетки, после чего я заснул.

Мне снились только две вещи. Сперва яркий свет, потом чёрный дождь.

* * *

— Думаю, достаточно. Так вот было, ребята — закончил Игорь. — Вопросы есть?

— Что с приятелем твоего отца? — спросил молодой человек, который большую часть времени сидел с раскрытым ртом.

— Больше я его не встречал, а санитарка не хотела ничего говорить; через неделю она умерла.

— А что с теми, кого не пустили на первой станции? — допытывался молодой.

— Большинство погибло там, наверху, а часть, как и мы, пошла куда-то, где их впустили, — ответил Игорь. Те, что пили чёрный дождь, умерли в муках в течение нескольких дней. Какие-то гнойники, рвота, частенько отхаркивали собственные внутренности. Сам я месяц пролежал в импровизированной палате, ослабленный, с ноющим животом. И полностью облысел, хотя глотнул всего несколько капель.

— А эти тени? — спросил старик, тот самый, который вначале уговорил Игоря рассказать эту историю. — Ты их видел когда-нибудь?

— Нет, на поверхность я больше не поднимался, — ответил Игорь. — Я боюсь их, несмотря на то, что это только печать светового импульса, образовавшаяся при атомном взрыве. Так сказал мне знакомый профессор из Полиса. Однако я по-прежнему думаю, что с ними что-то не так. Они были такие странные. И эти рассказы Сергея...

— Твои родители выжили? — спросил дедок.

— Насколько я знаю, ни один член моей семьи не выжил, — ответил Игорь. — Меня приютила семья на Рижской, с которой я прожил очень долго.

— Оставьте его в покое, ребята, — вмешался кто-то другой. — Вы слышали о...

МАТЕУШ «HERMETYCZNY» ГЕМБАРСКИЙ ИНОГДА ПРИХОДИТСЯ ЧЕМ-ТО ЖЕРТВОВАТЬ

На станцию медленно вошёл подросток. Он выглядел расстроенным. Брёл вперед, не обращая ни на что внимания. Остановился у стены и опёрся об неё. Он стоял так некоторое время и думал о том, что произошло. Как все неудачно сложилось. Вдруг кто-то подошёл к нему.

— Чего ты здесь стоишь? — обратилась к нему незнакомка. — Пойдём к нашему костру. Послушаешь интересные байки. Смелей.

Мальчик поднял взор. Костёр. Байки. В конце концов, оторвался от стены и вместе с женщиной пошёл в сторону собравшихся у костра жителей станции. Правда, не сел слушать очередную историю. Он встал в центр, обращая на себя внимание присутствующих.

— Можно мне рассказать? — спросил он. — Как раз есть о чём. Я не буду выдумывать байку, а расскажу вам, что произошло сегодня, в действительности. Хотите послушать?

Несколько мужчин кивнуло, кто-то крикнул: «Давай!». Парень собрался с мыслями. Он не хотел упустить ни малейшей детали своей истории, не хотел ничего перевернуть. В конце концов, начал:

— Я расскажу вам, что недавно произошло в тюрьме фашистов на Тверской. Запертые в пяти камерах осужденные ждали в напряжении. Через минуту должна была начаться их маленькая «акция»...

* * *

Если бы не удары ботинок охранника об землю, наверное, он сошёл бы с ума в этой тёмной камере. Это единственный звук, который сейчас доходил до его ушей. «Хорошо, что только один», — подумал он. Когда появлялся второй охранник, оба впадали в отличное настроение и начинали мучить заключённых. Но на этот раз второго не было. Видимо, у него были дела. Игорь упёрся головой в стену. В темноте он видел размытые контуры фигуры Сергея. Он не мог видеть в царившей темноте, но чувствовал его волнение. Улыбнулся. Сегодня они покинут эту камеру. Последние пару недель разговоры чередовались с пытками фашистами. А ведь им обоим всего по шестнадцать лет!

«Как я сюда попал?» — задался вопросом парень. Это всё из-за отца. Ну, можно так сказать... Отец Игоря имел специфическую привычку: он любил архаизмы и складывал предложения в трудную для понимания форму. Фашистский офицер в то же время имел свою особенность: он был туп. Короче, мужчины не нашли общий язык. Офицер не понял ни слова из цветастых высказываний отца Игоря. Ему достаточно было, чтобы посадить отца в тюрьму за оскорбление важного должностного лица станции и за преступления против Рейха в целом. Кстати, в камеру попал и его сын за родство с виновником. Мальчику казалось это шуткой. Поначалу. Потом, когда отец повесился на радость толпе, понял, что всё серьёзно.

Подросток посмотрел через решётку на охранника. «Но я, конечно, не повешусь», — пообещал он себе. Скоро закончится этот кошмар. Всё уже распланировано, всё готово. Сейчас начнётся.

Как раз подходящий момент. По словам одного из заключённых, который подслушал фашистов, у руководства состоится какая-то встреча. Неизвестно до конца, с какой целью, но важно то, что их не будет на Тверской. А поскольку встреча невероятно важна, возьмут с собой большинство охранников со всех фашистских станций. Там же соберётся большая часть гражданских. А что это означало для заключённых? Что Тверская будет полупустой. Идеальная возможность, чтобы удрать из этого дурдома. Конечно, сначала нужно отвлечь внимание охранника. Но это не так сложно, в конце

концов, их здесь девять на пять клеток. Несложно следить за одним заключённым, обвиняемым в убийстве солдата Рейха.

— Ладно, признаюсь! Я убил его! — взревел, как по команде, заключённый из пятой камеры. Охранник легко дал себя заманить, подбежал к заключённому, вытащил его из-за решётки и повёл к начальнику тюрьмы. Игорь прислушался, как затихают звуки шагов, удаляясь от клеток. Ещё немного и начнётся.

Уже, наверное... Нужно действовать быстро. Сергей вытащил набор отмычек, который дал ему когда-то один мальчик — организатор в их камере. Ему удалось избавиться от средств взлома, но закончил он на виселице. Ну что ж, бывает. Важно, что отдал клещи и научил ими пользоваться. Благодаря ему вся акция хоть имела шансы на успех.

Сергей подошёл к замку и начал в нём рыться. Повторял себе молча слова того парня. Что-то явно шло не так. Игорь подошёл и начал внимательно наблюдать за его действиями.

— Нет, нет, ты делаешь всё неправильно, — пробормотал он и взял инструмент товарища. Сам взялся за работу. Только тогда он понял, что это не так просто, как кажется. Он вспомнил предупреждение, что делать надо очень медленно, без резких движений, иначе клещи могут сломаться.

— У тебя глупое лицо, — прокомментировал его работу Сергей, обнажив зубы. — Ну, покажи мне, наконец, как это делается?

— Я бы тоже с удовольствием, блин, увидел. Можно побыстрее? — прошипел заключённый из соседней камеры.

— Раз ты такой умный, может, сам попробуешь, а? — отозвался Игорь.

В конце концов, замок щёлкнул, и дверь медленно открылась. Наконец-то! Мальчики покинули свою камеру. Они были свободны! Но не так быстро, нужно было освободить остальных заключённых. Оба быстро направились в сторону следующих дверей. На этот раз они открыли замок уже гораздо быстрее. Несмотря на это, прошло немного времени, но достаточно, чтобы вернулся охранник.

— Что, чёрт возьми, происходит?! — спросил с удивлением фашист. Двое освобождённых мальчиков в мгновение ока оказались рядом с солдатом. Парень даже не успел отреагировать. Получил кулаком в нос и упал на землю без сознания. Его быстро обыскали. Кроме ножа, пистолета ТТ и гранаты, они нашли также ключи. Игорь вздохнул с облегчением. Не нужно мучиться со всеми замками. Сергей быстро освободил остальных. Человек, который забрал нож, добил лежащего фашиста.

— Подарок для Рейха за наше заключение и постоянные пытки. — Остальные заключённые кивнули. Второй мужчина целился из пистолета в дверь на выход, прикрывая своих товарищей. Остальные собрались в центре коридора.

— Ладно, — взял слово Виктор, один из осужденных и виновник всей операции. — Теперь вы должны идти, не так ли? Вы помните план? Сначала мы должны освободить Сашка, он, наверное, уже у начальника тюрьмы. Лишь бы не было Палача... А там рукой подать до Театральной. Там будет безопаснее всего. Я знаю, что это станция «красных», но у меня есть кое-что... — и вытащил из ботинка ловко спрятанный документик. Неоднократно сложенный. Неудивительно, что фашисты не заметили его при обыске. — Круто, а? Позволяет проникнуть на любую станцию кумачей. Вы вполне можете пойти со мной. — Все улыбнулись с удовольствием. — А потом напрямик на Китай-город. Прикрывать будет Иван, у него ТТ-шка. Годится?

— Наверное, — ответил Игорь. Остальные согласно затрясли головами.

Так было проще и удобнее. Все двинулись в сторону выхода. Иван впереди, размахивает пистолетом. Сразу за ним второй заключённый, вооружённый ножом. Дальше Игорь с Сергеем, а после них — остальные. Шли молча. Если где-то рядом находился хотя бы один охранник, проходили мимо. Может, их и было немало, но с одним пистолетом много не навоюешь.

Они прикрыли глаза. Несмотря на то, что освещение станции было слабенькое, после тюремной темноты зрение ещё не перестроилось. Подождали немного, а когда их глаза привыкли к свету, двинулись дальше.

— Знаешь, Игорь, спасибо, — произнёс неожиданно Сергей. — Если бы не ты, сдохли бы там. Наконец-то сбежали!

Все заключённые согласились. Игорь улыбнулся. Он чувствовал себя так... хорошо. Он был счастлив. После недели сидения в клетке он мог отсюда уйти. Однако у него было чувство, что он забыл о чём-то важном.

Без труда нашли кабинет, где сидел начальник тюрьмы. Сильно уж врезался в память. Именно там проходили пытки. Фактически там два помещения, но вход только один. В первой комнате стоял стол, на котором причиняли боль, во второй спал «зверь». Однако это не начальник вызывал такой страх. Заключённые боялись, скорее, Палача. Невероятно мускулистого человека со странным, искажённым голосом. Всегда в застёгнутом длинном плаще с капюшоном. Некоторые даже утверждали, что он мутант. Правду знает только сам Палач.

Они уже стояли в дверях. Виктор подошёл и схватился за ручку двери. Иван стоял напротив входа, остальные попрятались рядом. План был таков, что один открывает дверь, второй начинает стрелять, а потом все полезут внутрь. Банальщина. Виктор начал отсчёт. Раз... два... три...

Внезапно дверь распахнулась с треском, прозвучал выстрел. Тело Ивана осело на землю. Все смотрели с удивлением. Из зала медленным шагом вышли три фашистских солдата с АК-47. Заключённые бросились бежать.

Игорь побежал вперёд. Он знал, что Сергей бежит прямо за ним, слышал стук его ботинок, выстрелы из «калашей» по заключённым. Спрятались за одной из больших палаток. Перевели дыхание. И что теперь, что теперь?

— Нас кто-то сдал, — в ужасе прошептал Сергей. — Они знали, что мы придём. Они ждали нас.

Игорь почувствовал себя странно. Он о чём-то забыл. Он знал, что о чём-то забыл, но о чем? Что это могло быть? Поблизости услышал шаги. Фашисты шли в их сторону. Мальчишки слышали грохот выстрела. Окровавленное тело Виктора отбросило к их ногам. Наступила странная тишина...

— Игорь! — неожиданно крикнул один из солдат. — Хватит прятаться! Довольно. Всей банде крышка. А ты свободен. Давай.

Парень почувствовал себя неладно. Временная амнезия прошла, и он вспомнил. Они пытали его... не мог выдержать... предал своих... всё выложил... это он предал, это всё из-за него.

Посмотрел Сергею в лицо и увидел слёзы в его глазах.

— Я верил тебе! Думал, мы друзья! Как ты мог так поступить?!

Слова ранили Игоря, словно нож. Он чувствовал себя паршиво. Что он наделал? Как он мог дать себя сломать? Помочь убийцам отца? Вынести приговор своим друзьям? «Помни, всё можно исправить. Но иногда приходится чем-то жертвовать», — услышал в голове слова отца. Выглянул из-за палатки. На теле Виктора сверкнул какой-то предмет. «Иногда нужно чем-то жертвовать». Решительно посмотрел Сергею в глаза. Он вышел из укрытия и пошёл в сторону фашистов. По пути он наклонился подобрать понравившийся ранее предмет. Солдаты позвали его к себе жестом руки. «Чем-то жертвовать». Бросил что-то под ноги фашистам. В то же время пушки повернулись в его сторону. Увидел насмешливые улыбки на лицах солдат, когда они открыли огонь. Падая пронизанным пулями, повернул лицо в сторону Сергея и крикнул:

— Прости!

Его тело разорвала очередь из трёх винтовок, но блестящий предмет уже докатился до солдат. Было уже поздно, когда один из них крикнул с ужасом: «ГРАНАТА!». Грохнул взрыв. Взрыв сотряс станцию, и десятки осколков посекали бежавших фашистов.

Сергей встал. Он не знал, как долго лежал. Впрочем, не это было сейчас важно. Он подошёл к телу своего друга. Не верил, что он это сделал. Не верил ни в то, что их предал, ни в то, что пожертвовал собой. Парень молился, хотя не был верующим и никогда раньше такое не пришло бы ему в голову. Теперь, однако, он нуждался в Боге. Снял с шеи Игоря цепочку. Даже не знал, что мальчик её носил. Он почувствовал бегущую по щеке слезу. «Возьми себя в руки!» — подумал он. Услышав шаги, встал и отступил. Быстро подошёл ещё к телу Виктора и взял документ, который позволял находиться на станциях Красной Линии. Чуть заляпан кровью, но ничего. Когда он спрятался за палаткой, шаги стихли. Слышал странное ворчание. Выглянул в окно и увидел, как над телом Игоря стоит Палач. Сергей почувствовал ужас. Он видел, как мужчина потянул носом, после чего его голова повернулась в сторону парня. Сергей обошёл палатку и побежал изо всех сил, а Палач ринулся за ним. Вскоре Сергей добрался до туннеля, ведущего на Театральную. У него не было сил. Он стоял, тяжело дыша. Оглянулся со страхом. Пусто. Никого не было. Парень не был уверен, что Палач на самом деле за ним бежал, или он это себе надумал. Так или иначе, он был уже свободен. Он мог спокойно идти дальше. Мальчик схватился за цепочку и двинулся в темноту туннеля. Свет станции успел ещё высветить текущую по щеке слезу.

* * *

Он не плакал. На лицах слушателей читались удивление и печаль.

— Дальнейшая дорога была простой. Ступил спокойно на станцию «красных». А потом сюда. — Парень коснулся шеи и снял цепочку. Посмотрел на неё. — Смотрите: предатель... и герой... — сжал руки в кулак, примерился и бросил цепочку на другой конец станции. — Жаль, что так поздно взял себя в руки.

Он повернулся и пошёл от группы. Его силуэт постепенно растаял в темноте туннеля. А вскоре совсем пропал.

РАФАЛ «RAFEN» ГОРНЯК

Я НЕ ВЕРЮ В БОГА

— Я не верю в Бога, — заявил Пришелец, окидывая недружелюбным взглядом скопление замёрзших людей, пытающихся собрать остатки тепла из вялого, догасающего пламени костра, — после того, что видел.

Сталкер повёл плечами и продолжил разливать чай по выщербленным оловянным кружкам. Подал одну из них Пришельцу, несмотря на то, что внимание его было сосредоточено на маленьком серебряном крестике, вылезшему из-под толстовки сталкера и висящему на тонкой цепочке.

— Что ты такого увидел? — спросил он. — Здесь все видели уже всё, и, тем не менее, большинство из нас не оставило веру.

Пришелец тяжело вздохнул, поджал ноги и без слов приложился к горячему отвару, не переживая, что чай обжигает губы. По-видимому, он впервые за долгое время дорвался до тёплого напитка.

— И, тем не менее, у меня сложилось впечатление, что я видел больше, чем вы, — прошептал он через некоторое время. — Вы слышали о Лодзи? О самоуничтожении и великой пустоте ума?

— Лодзь? — бросил кто-то с сомнением. — Там никто не мог уцелеть. В Лодзи никогда не было метро.

Пришелец слабо улыбнулся.

— До две тысячи тринадцатого в Лодзи действительно не было метро. А потом уже не было необходимости. — Он бросил иронический взгляд. — Вместо этого там проложили под землёй туннели, как для поездов дальнего следования, так и для городской железной дороги. То есть эдакое псевдо- или квазиметро, полуметро. Туда-то мы и бежали, когда... — Пришелец прервался и сделал глоток чая. — Вы, впрочем, правы. Никто там не выжил. Никто, кого можно бы назвать человеком. Мой друг Янек... — Слова застряли у него в горло. Замолчал, и все молчали вместе с ним, пока сталкер не положил руку на его плечо и не прошептал:

— Поведайте нам. О Янеке, о великой пустоте. Обо всём.

И тот завёл историю.

* * *

— Я не верю в Бога, одного или многих. Не существует того, чего нет. Нет ничего, чего не существует. Мы тьма, и свет, и смерть. И жизнь, слабая, никудашная, вымирающая. Но без Бога, сама по себе. Жизнь не всемогущая, жизнь не вечная, но прочная. Наша жизнь.

Янек шептал вместе с другими, вкладывая в эту антимолитву всю свою решимость, весь пыл, что только удалось ему собрать. Так же, как другие, старше его, повторял слова Третьего Заклинания Разума с надеждой, что его община вытеснит, в конце концов, идолопоклонников из области под Мануфактурой, с кем Рационалисты боролись постоянно с прошлого тёмного июля, то есть уже более чем полтора года.

Тогда величайший предатель в истории движения, Визерский, Ян Визерский — его тёзка, пусть память о нём будет проклята — вместе с пятью товарищами из отряда запели «Боже, храни Польшу» во время исполняемого им караула, подавая таким образом знак папистам. Трое непосвящённых часовых с удивлением и ужасом уставились на коллег, которые допустили страшную и непостижимую вещь — без предупреждения перешли на ДРУГУЮ СТОРОНУ. Не вызывало сомнений, что земля под измену была тщательно подготовлена, а переход к христианам и преданность Мануфактуре — заранее обговорены во всех деталях. Католики подозрительно быстро возникли из грязно-серого тумана и за несколько длинных шагов преодолели расстояние до баррикады, чтобы поддержать шестерых изменников в борьбе против трёх сторонников. Поскольку перевес был на

стороне нападавших, те очень быстро одолели верных защитников редута, и три парня с криками боли убежали в сторону Петрковской улицы, где нашли убежище в полицейском участке под улицей Легионов.

При упоминании этого позора Янек бессильно сжал кулаки, и его шёпот усилился до громкой декламации, полной давно подавляемой страсти.

— Не пушу на порог мой суеверия. Не опущу шею перед абсурдом и обманом, не буду бить челом перед болванами. Не начертаю на стене знак — символ рабства, презрения и лжи. Я не сдамся. Ум падёт последним.

Почему ОНИ верят? Как они могут судить, что всепроникающая смерть не имеет власти перед кем-то или чем-то, какой-то загадочной силой, богом или дьяволом — называй, как хочешь. Янек знал, что за стеной туннеля ничего нет — даже если когда-то было, — что кроме силы собственного разума, последнего барьера, что защищает от падения, скотства, смерти, ничего не существует, или, скорее, есть НИЧТО, небытие, пустота. «Даже если когда-либо существовало», — подумал он и испугался собственных мыслей. Нет! За пределами разума и телесности ничего нет и никогда не было. Это как должное. Очевидное. Точка.

Шестьсот тридцать два человека. Четыреста семьдесят шесть мужчин, сто двенадцать женщин и сорок четыре ребёнка. Именно столько человек оказалось в туннелях после Гибели. Обо всём остальном человечестве ничего неизвестно. Те, кто остался наверху, цепляясь за остатки мёртвого мира — руины разрушенных домов, крошево из стен, расселины, в течение прошедших лет, несомненно, погибли от радиации или разбежались по пригородам в ожидании смерти. Гибель, небытие, конец всему. Как можно в таких условиях строить мечты о Боге, красоте и добре, что Он якобы представляет? И всё же нашлись те, кто обоснование для дальнейшего существования ищет в Его благодати. Жалкие, лишённые инициативы существа, пассивные фаталисты, идущие по духовной стезе и поддерживающие себя костылём веры. Янек не мог взять в толк, как его товарищи по несчастью прониклись учением Отцов — двух священников, выживших в катастрофе. Руководство старалось скрыть масштабы поддержки папистов, но сообщество в туннеле было слишком мало, чтобы скрывать правду. В день Раскола произошло большое расселение последних выживших по всей Лодзи, и — как тогда думали — по всей Земле. Со священниками ушли почти четыре сотни, в том числе значительное большинство женщин и почти все дети, следовавшие за своими матерями. Янек был одним из немногих подростков, кто остался на стороне Руководства. Он понимал, что, скорее всего, остался, потому что его матери не было в туннелях — погибла на поверхности, — а отец с готовностью поддержал дело Нигилистов, как называли их ушедшие, или Рационалистов, как обычно называли себя сами.

Янек вздохнул и стал внимательно присматриваться к окружающим. Не хватало Гилняка, у которого лопнул гнойник и который умирал теперь в общежитии, имея счастье дожидаться естественной смерти, и его дочери, терпеливо ожидающей на тюфяке ухода отца. Все остальные здесь. Сто восемнадцать человек. Пересчёт, как и всегда, состоялся с утра. Полученное число секретарь сообщил народу, выкрикнув его несколько раз через сложенные в трубу руки: «Восемьдесят один мужчина, тридцать семь женщин! В том числе одиннадцать лиц, не достигших совершеннолетия! Шесть девочек, пять мальчиков! Вечернего подсчёта не будет!». Слушатели беспокойно зашептались и стали переглядываться. Цифры не стали неожиданностью, людей было ровно столько, сколько и вчера вечером, только предполагаемая смерть Гилняка могла их изменить. Но почему не будет вечернего подсчёта? Что-то готовится.

Руководители уже давно поняли, что это единственный способ. Никто не ел часов двадцать. Со дня предательства Визерского Рационалисты потеряли доступ к единственному выходу на улицу. Запасы на складах интенданта сокращались с головокружительной скоростью. Простаки верили в миф сталкеров, что есть тайный источник водоснабжения, но Руководство и сами сталкеры знали, как на самом деле. Янек

тоже знал. До тёмного июля он был передовиком, сталкером с наибольшим хабаром. Численное превосходство противника не давало надежды на продолжение крысиного безрадостного существования в этих сталеземляных кишках туннелей, что чуть шире и суше затопленных каналов.

Янек вспомнил, как бригаде, где он служил, несколько лет назад удалось получить доступ к Трубе, т.е. к историческому фрагменту местных каналов. Бывшая туристическая достопримечательность теперь стала фермой рациональной части их мира. Они пробились через ослабленную стену туннеля, выходящего на разрушенную Западную улицу, провели инженерные обходы, используя обломки разрушенных домов, металлические листы, трамвайные рельсы и бетонные кольца колодцев. Они создали на поверхности маленький, узкий туннель. Укрепили его и, в конце концов, на краю площади Свободы спустились в Трубу — крупный кирпичный канал, построенный ещё в начале двадцатого века для нужд городского водопровода. Вода там больше не течёт, и в настоящее время это бесплодный сухой канал, на дне которого скрывается крысиный помёт, мусор и брошенные в спешке вещи, — ничего особенного в этом новом дивном мире. Однако оказалось, что в самом конце обрушенной подземной артерии их ждал сюрприз. Они обнаружили четырнадцать переплетённых между собой иссохших трупов, на самом деле мумии. Высушенные скелеты были обтянуты пергаментной кожей, сохранились острые носы, узкие прозрачные губы, как клочок рисовой бумаги, и растопыренные пальцы. Пятеро взрослых и девять детей. Бригадир дал команду «вольно», остальные послушно остановились. Командир отряда лично осмотрел останки — дело было политическим, а рапорт Руководству должен быть лишён идеологических отклонений. На шее одной из женщин нашёл крестик, бригадир сорвал его быстрым движением, осторожно, чтобы избежать комментариев подчинённых. Он знал, что общественности о людях, выживших после Гибели, нужно будет выдать версию, согласованную на высшем уровне, хорошо было бы не давать поля для догадок, что погибшие принадлежали к церковной секте. На стене нашли слой надписей — с указанием дат и событий после Гибели. Из записей следовало, что первоначально в Трубе спаслось сорок три человека — тринадцать женщин, двенадцать детей и восемнадцать мужчин. Прожили почти два года. Записи были краткими. «Сто двадцать дней ПОСЛЕ. Якуш и Мартина. Мы вынесли их. Потом ушли Зан, Вярус и Соня». «Сто шестьдесят восемь дней ПОСЛЕ. Нора вышла с группой». «Четыреста два дня ПОСЛЕ. Жанета, Мартин, Ханья, Норберчик. Съедены. Скоро конец». Никаких отсылок к Богу. Очень хорошо, можно будет опубликовать в полном объёме. Только эти «съедены»... ничего страшного, добавит чуть драматизма. Пусть люди знают, что некоторым пришлось хуже.

Община в Трубе совсем выродилась, большинство, вероятно, поднялось на поверхность, потому что здесь слишком мало тел, и даже скелетов или хотя бы костных остатков. Даже если бы тела объели, что-то должно ведь остаться. Не было почти ничего, а, следовательно, они вышли, ушли на смерть. Найденные мумии были красноречивым свидетельством о смерти людей, когда-то живших здесь. Все дети со сломанными позвоночниками и свёрнутыми шеями. У взрослых сдавлены горла, но не видно каких-либо следов сопротивления. Последний оставшийся в живых попытался перерезать себе вены, но кровь, наверное, не хотела идти, потому он, в конце концов, разбил себе голову о стену из красного полированного кирпича. Это было напутствие для них всех, и они знали, что им также грозит смерть. А человечеству? Мир был большой. Тогда, ПРЕЖДЕ. Из более чем семи миллиардов человек должно было выжить больше, чем эта паршивая горстка в лодзинских туннелях. Правильно? Янек мягко улыбнулся. Здесь ничего не «должно» произойти. Одинаково правы руководители, говоря, что из всего человечества выжили только они. Они и эта набожная банда на другой стороне баррикады.

Янек сильно зажмурил глаза. В руках сжал рукоять копья, не обточенное дерево его древка оставляло по всей коже микроскопические занозы. Паразиты!

* * *

Пришелец из далёкой Польши вздохнул и отпил чаю.

— Теперь я понимаю мотивацию бойцов той стороны, всего этого Рыцарства Непорочного, или как там их называли. Каждый нуждается в каком-либо единении, идеологии, которая будет стимулировать его к борьбе за выживание, перемены. Каждый хочет, чтобы кто-то другой думал за него, принимал решения. У нас было Руководство и вера в силу разума. Вера? — заколебался Пришелец. — Нет, плохое слово, нечистое. Мы видели, что Разум лежит в основе существования и выживания. Мы сами строили свою судьбу. А они? После того, как один из «Отцов» перерезал горло другому, обвиняя его в безбожии и сексуальном насилии, после ряда небольших расколов, возникших из древних внутрехристианских споров, после многочисленных разделений и отступничеств, во что ещё они верили? В то, что сами хотели? Или в то, что скажет им «Отец» Ремигий, их Папа, диктатор и полубог в одном лице. Ба, во что верили мы сами? В то, во что сами хотим верить или в то, что скормит нам Руководство с его аппетитом на монополию в управлении разумом, телом и душой. Да, душой, потому что как иначе назвать полное доверие лидерам, полную преданность и безграничное одобрение их решений?

Мужчина покачал в задумчивости головой. А потом заговорил дальше.

* * *

— Поражу я их средоточием силы ненависти моей. А ненависть есть презрение к невежеству и отсталости, презрение к поработанному уму. Тех, кто отдаст себя разуму, как единственной силе формировать действительность и поймёт, помилую я. Буду сожалеть я о простодушным агнцах, идущих на заклание сытым волкам. Но не будет пощады им. Найдут смерть от копья моего разящего. Наконец трижды конец диктатуре! — первый оратор сказал, почему отменили вечерний подсчёт. Он будет ни к чему. — Сегодня мы отправляемся в последний бой. Сегодня мы уничтожим папистов, втопчем их в пыль или выгоним на открытый воздух. Ликвидация католиков будет означать возможность обращения к рациональному началу всех оставшихся в живых христиан, тех отколовшихся изгоев, погрязших в идеологических спорах, — провозгласил оратор.

«Хватит этих псевдомолитвенных призывов! Незачем копировать избитые ритуалы. Копья в руки и вперёд в бездну тоннеля под улицей Легионов. Триста метров. Триста метров, и тела, и души их будут в нашей власти. А также ящики с консервами, притащенные их сталкерами», — подумал Янек. Накануне вечером интендант перестал стесняться говорить о нехватке припасов. Сталкеры присоединились к политикам, и седьмое голосование по этому вопросу на прошлой неделе принесло плоды и было одобрено Руководством. Атака. Полнейшая. Всеми силами. Мужчины, женщины, дети. Пока ещё теплится в нас дух, пока не опустили руки. Нет, не будет сегодня вечернего подсчёта.

Янек видел перепуганные лица, на которых вскоре стали проступать сильные и противоречивые чувства. Страх, отчаяние, депрессия, решимость. Он сделал шаг вперёд, затем второй. Со спокойствием начал формировать ряды своей бригады. Штурмовики схватили копья, рогатины и последние ножи. Надежда умерла, осталась только сила отчаяния. Будем считать утром. Или они пересчитают наши тела.